

1-А ЭКЗ.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

915

№ 10

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Видлу Великої Ірландії

СОДЕРЖАНИЕ № 16.

Обо всемъ. „Дорогія могилы“, „Милльонъ“, „Злоупотребленіе именемъ Пушкина“.

А. Чапыгинъ. „По слѣду“ (разсказъ).

Иванъ Чернохлѣбовъ. „В. В. Розановъ и война“ (статья).

З. Гиппиусъ. „Свѣтъ“, „Неизвѣстная“ (стихотворенія).

Александръ Блонъ. „Присталъ ко мнѣ нищій-дуракъ“, „Одинъ“ (стихотворенія).

М. Новоруссинъ. „Просѣянная нація“ (статья).

Н. К-нъ. „Современная молодежь“ (статья).

І. Р-новичъ. „Истинное происшествіе“ (статья).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. **Димитрій Крючковъ.** „Жертва своей горючести“. **Д. Философовъ.** „Издатели-монополисты“.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

П. Митуричъ. „На лыжахъ“.

ЗАСТАВКИ: **Н. Коровника, Нечитайло-Андреевко** (стр. 13). **Яннауеръ** (стр. 16).

Военныя иллюстраціи: „Тишина въ окопахъ“ (стр. 1), „Письмо из родины“ (стр. 3), „Полевой телефонъ“ (стр. 5), „На-чеку“ (стр. 7), „Наблюдатель“ (стр. 8), „На отдыхѣ“ (стр. 9), „Поездъ-баня“, [„Прачечная“, „Паропроводъ“, „Дезинфекционная“] (стр. 10), „Въ очередь“, „Погрузка бѣлья“, „Раздѣвальня“ (стр. 11), „Отвѣтъ на привѣтъ-населенія“ (стр. 17), „Гласный петроградской думы Н. П. Зеленинъ разговариваетъ въ Вильнѣ съ еврейской депутаціей“ (стр. 18).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пяти., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятый рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № 16 разсылаются подписчикамъ первый выпускъ полнаго собранія сочиненій **Льва Толстого**, содержащій первую часть (стр. 1—96) романа „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (т. 7.)

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Бугачарскій, Н. Бородинъ, В. Бруснянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгіевскій, С. Городецкий, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайний, Д. Крачковскій, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковский, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняновъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянь, К. Эрбергеръ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересыпкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО). Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Лица, подписывающихся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ КОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или 50 (собрание ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписна будетъ зачисляться въ абонемента № 1 или № 2 (соотвѣтственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

ВЪ ПАСТИ ДРАКОНА.

Историч. романъ А. И. Красницкаго, 640 стран., ц. 1 руб.

Предъ читателемъ въ живой формѣ проходятъ картины боксерскаго восстанія въ Китаѣ и освобожденія Китая русскими войсками подъ начальствомъ своего „папаши“, генерала Ливенча. Очень интересно описаніе китайскаго быта и отдѣльных моментовъ борьбы съ оекгой „большого кулака“.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРЪ Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗЪ

Очерки историч. прошлаго и современнаго положенія Кавказа. Томъ въ 684 страницы со 157-ю рисунками. Цѣна въ переплетѣ 2 р. с перес. Это сочиненіе открываетъ картину гигантской, почти легендарной борьбы русскихъ съ племенами, населяющими Кавказъ, борьба, продолжавшейся болѣе ста лѣтъ и закончившейся полнымъ присоединеніемъ Кавказа къ Россіи. Книга снабжена видами, портретами, сценами битвъ и проч.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 16

15 апрѣля 1915 г.

Тишина въ окопахъ.

О БО ВСЕМЪ.

Дорогія могилы.

Такъ назвалъ Ѡ. Крюковъ свой фельетонъ, посвященный памяти погибшихъ сотрудниковъ 3-го лазарета Государственной Думы.

Работалъ этотъ отрядъ въ Закавказьѣ. Отвратительныя санитарныя условія турецкихъ войскъ сдѣлали свое дѣло. Послѣ 2-ухъ недѣль работы многіе изъ мирныхъ борцовъ съ болѣзнями

и ранами нашли безвременную могилу рядомъ съ братскими могилами героевъ, животъ свой на полѣ брани положившихъ. Скончался главный уполномоченный, членъ Государственной Думы Геловани. Затѣмъ—Габуловъ, Якименко, Николай Томасовскій, Чичинадзе, кн. Кобуловъ.

Крюковъ былъ среди нихъ, зналъ ихъ лично, и согрѣтая подлинной любовью статья его производитъ сильное впечатлѣніе...

Но въ настоящіе дни великой скорби еврейскаго народа особенно потрясають строки, посвященныя Софьѣ Ольшвангеръ. Она сошла въ могилу первой.

«За время вынужденнаго бездѣлья въ Карсѣ,—пишетъ въ „Русск. Вѣд.“ г. Крюковъ,—гдѣ я присоединился къ думскому отряду, въ средѣ веселой, шумной, остроумной молодежи Софья Ольшвангеръ, немолодая, некрасивая, тихая дѣвушка, ничѣмъ не вызывала къ себѣ вниманія: въ мѣру общительная, но всегда сдержанная въ атмосферѣ тѣхъ товарищески-фамиллярныхъ отношеній, которыя вошли въ обычай въ тѣснотѣ и скукѣ бивачной праздности, она держалась какъ-то въ сторонкѣ, въ тѣни. Но когда наступила страдная пора,—бессонныя ночи, дни безотрадной работы въ тѣснотѣ, холодѣ и грязи курдскихъ саклей, когда начались переходы по горамъ въ метели, по-ноясь въ снѣгу, ночевки подъ открытымъ небомъ въ 30-тиградусные морозы,—тутъ тихая дѣвушка со скорбной складкой между бровями выдѣлилась своей исключительной энергіей, неутомимостью и безотказностью въ работѣ, какъ прекрасный голосъ большого артиста выдѣляется въ хорѣ менѣе сильныхъ голосовъ. Отдать послѣдній свой кусокъ голодному, взять на себя вѣдь очереди добровольно самую черную, самую тяжкую работу,—ирекде сестры Сони этого никто не могъ сдѣлать. Помню, на одной ночевкѣ, когда мнѣ досталось лечь въ дверяхъ, въ самомъ короткомъ сосѣдствѣ съ наружнымъ холодомъ, сестра Ольшвангеръ подошла ко мнѣ и стала уговаривать взять ея шубу, чтобы укрыться отъ холода. „Право же, у меня шаль теплая, мнѣ шуба совсѣмъ ни къ чему“... Было это смѣшно и трогательно. Неизмѣнно вѣрна себѣ была сестра Соня вездѣ и всюду: вся мысль—о другихъ, менѣе всего заботы—о себѣ...»

«Чтобы принести жизнь свою въ жертву родинѣ въ годину тяжкихъ ея испытаній, Софьѣ Ольшвангеръ пришлось пройти черезъ рядъ рогадокъ и препятствій, которыми такъ обилень тернистый путь сыновъ и дочерей ея племени. Общины, поселяща Красный Крестъ, не зачисляютъ въ свои кадры евреевъ. А не зачислившись въ такую общину, нельзя получить доступъ къ работѣ милосердія. Только настойчивое ходатайство покойнаго кн. Варлаама Геловани помогло Софьѣ Ольшвангеръ, опытной земской фельдшерницѣ, войти сестрой милосердія въ комплектъ 3-го лазарета Государственной Думы. Единственное, можетъ быть, счастье, которымъ подарила ее родина, скупая на ласку и привѣтъ къ ней, дочери обдѣленной правами народа! И за то она, родина, должна была принести чистую жертву бѣдной падчерицѣ своей,—ея прекрасную жизнь, и маленькіи холмикъ каменной земли среди величавыхъ горъ, за Мерденекомъ, будетъ въ ряду славныхъ русскихъ могилъ—скромная могила сестры Софьи Ольшвангеръ...»

Такъ, на славномъ посту, пресѣклась молодая жизнь. Вѣримъ, что не напрасно. Вѣримъ, что на могилахъ такихъ подвижницъ, которымъ пришлось долго и упорно бороться за право погибнуть за ближнихъ, расцвѣтетъ новая жизнь.

Это братское кладбище, гдѣ еврейка легла рядомъ съ русскими и грузинами, не можетъ, не должно остаться только кладбищемъ. Дѣйственная, объединяющая любовь умершихъ воскреснетъ въ грядущей Россіи..

Милльонъ.

Даже не милльонъ, а полтора милльона находятся въ распоряженіи Академіи Наукъ. Это—знаменитая аракчеевская премія за лучшее жизнеописаніе Александра I. Выдана она должна быть въ 1925 году. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, Академія смущена. Въ одну телѣгу впрямь не можно ковать и трепетную лань, впрямь науку и милльонный „лотерейный выигрышъ“. Конечно воля жертвователя „священна“. Но пожалуй престижъ научнаго знанія, научной работы и самой Академіи Наукъ выше аракчеевскаго каприза. Надо еще имѣть въ виду, что этотъ „милльонъ“ въкоторымъ образомъ умаляетъ историческое значеніе самого Александра I. За милльонъ можно написать исторію Петра Ивановича Бобчинскаго. Александръ I достоинъ болѣе безкорыстнаго къ себѣ отношенія.

Покойный Н. К. Шильдеръ написалъ его исторію, не думая ни о какомъ милльонѣ. Если эта исторія не удовлетворяетъ современныхъ требованій науки, то во всякомъ случаѣ никто не станетъ отвергать безкорыстное стремленіе автора, посвятившаго почти всю свою жизнь этому труду по мѣрѣ силъ послужить наукѣ.

Словомъ, Академія Наукъ надлежитъ во что бы то ни стало выдти изъ того неловкаго положенія, въ которое она попала, благодаря усердію отнюдь не благословеннаго Аракчеева.

Злоупотребленіе именемъ Пушкина.

Оказалось, что театральные рецензенты обожаютъ Пушкина. Мы этого не знали. Читая сѣрыя рецензіи мы никогда и не подозревали, что подъ сѣрыми словами сѣрыхъ людей ноконится какая-то каменная преданность нашему первому поэту. А вотъ полпте-жъ. Стоило московскому Художественному театру поставить драматическія сцены Пушкина—и всѣ рецензенты всполошились. Станиславскій, Качаловъ, Александръ Бенуа, Немировичъ-Данченко, всѣ эти „людишки“—Пушкина не любятъ, не знаютъ, не уважаютъ. А вотъ они, рецензенты, самое бытіе которыхъ обусловлено существованіемъ театра (каждое лѣто, когда театръ закрытъ, рецензенты ввергаются въ полнѣйшее небытіе),—подлинныя „хранители завѣтовъ“. Они все знаютъ! Къ сожалѣнію только ничего не умѣютъ. Потому что самое существо и естество ихъ бесплодно. Какъ люди бесплодные, они естественно не любятъ творчество, не уважаютъ труда. Хорошо еще, что спектакль шелъ подъ фирмой „художественнаго театра“. Эту фирму нельзя ругать неприличными словами. Иначе мягле рецензенты не постѣснялись бы.

Впрочемъ есть одно утѣшеніе.

Въ Россіи замѣчается очень странное явленіе. Современная публика, которую принято называть „толпой“, стоитъ куда выше „критики“. И пусть московскіе художественники не смущаются. Публика ихъ поддержитъ. Она гораздо живѣе, моложе и благороднѣе всѣхъ этихъ присяжныхъ писаекъ, душа которыхъ жаждетъ небытія. Всякое бытіе, дѣйствіе, воля ихъ тревожитъ. Когда говорятъ о „реакціи“, забываютъ настоящихъ реакціонеровъ, этихъ гомункулловъ, боящихся свѣта, улыбки, зеленыхъ деревьевъ.

Письмо на родину.

А. ЧАПЫГИНЪ.

ПО СЛѢДУ.

Гришка со Степкой вышли за лосями. Мѣста, гдѣ водятся лоси, братья знали хорошо, особенно старшій—Гришка,—который считался у охотниковъ лучшимъ бѣгуномъ на лыжахъ.

Бѣжали долго по просѣлкѣ съ пестерями на спинѣ, битыми туго харчемъ. Когда подошелъ поворотъ въ просѣлку въ высокій осинникъ къ избѣ, младшій выскнулъ впереди бѣгушему Гришкѣ:

— Гриша... Сто-о-й!

— Чего тебѣ!—остановился Гришка.

— Мѣсто тутъ неладное... Водить, Харитонъ говорилъ, дядя.

Гришка презрительно скосилъ широкое лицо.

— Харитона вездѣ водить: за поляны уйдетъ—водитъ, за ягодами пойдетъ—водитъ. Съ малыхъ лѣтъ хожу—не водило, а въ этой избѣ не разъ ставалъ, люблю ее—другихъ охотниковъ нѣтъ, не забѣгаютъ.

— Боятся, вотъ и не забѣгаютъ.

Гришка разсердился.

— Робѣешь ни у чего! Изба—двадцать сажень отъ просѣлки, день бѣлый, что неприятное—сразу вонь да въ другую.

Пришли къ избѣ, вытопили ее, было еще рано, солнце стояло высоко. Гришка въ избѣ ходилъ, какъ дома, но Степка съ неприязнью оглядывалъ старья, покосившіяся нары, лавки, засыпанные съ гнилого потолка пескомъ, сухой пырей и иванъ-чай, разбросанный на нарахъ вмѣсто постели. Опъ сталъ торопить брата.

— А пойдти бы намъ, Гриша.

Гришка поглядѣлъ изъ дверей избы на свѣтлое небо, на иней, развѣшенный причудливыми кистями по деревьямъ, и отвѣтилъ:

— Морозно... вишь, небо зелѣетъ, къ вечеру морозъ прибавится, лыжа по снѣгу шаршитъ, звѣрь ее далеко слышитъ—чего торопишься? хлѣба взято много, топоръ есть, дрова тоже, изба теплая.

Степка молчалъ.

— Ежели скушно, спи—и не доймае скука, ужо выпадка снѣгу помететь, снѣгомъ сомнетъ морозъ—и двинемся.

Вплотную расположились на почлегъ, вскипятили чая, напились, сняли валенки, поѣли и легли на полокъ. Въ теплѣ дремалось. У младшаго, семипадатилѣтнаго Степки, слухъ былъ острый—звѣрный, ему не спалось, онъ мало дремалъ, а тревожно настроенный, больше прислушивался къ лѣсу. Ему послышалось: катятся къ избѣ на лыжахъ, скрипятъ мерзлые ремни у лыжъ, да и лыжи по жесткому снѣгу боками чертятъ.

— Гриша, а, Гриша.

— Дай подремать!

— Еще охотникъ сюда бѣжитъ.

— Лежи, знай.

Гришка все-таки поднялся на полкъ, открылъ дымовой ставень, приложилъ ухо и слышалъ только, какъ шумитъ лѣсъ.

— Шавишь... боишься, навражилось тебѣ.

— Какъ хошь, а я слышу.

Задремали оба.

Изба распахнулась, вѣзъ широкоплечій, бородачъ и мужикъ.

— Изба вытоплена, все по чести,—знай, стануи,—проворчалъ онъ входя.

Съ его бороды сыпались сосульки льда.

Гришка не любилъ охотниковъ, которые попадали на его любимыя мѣста. Онъ поднималъ съ полка большую курчавую голову на крѣпкой шеѣ и сердито сказалъ:

— Покажу честь—возьму вотъ за шиворотъ да и выкину изъ избы.

— Полно!..—насмѣшливо протянулъ бородачъ,—правду баю: изба натоплена для меня.

— Поговори,—проворчалъ Гришка.

Вновь пришедшій накололъ дровъ, отворилъ дымовой ставень, повѣсилъ чайникъ на таганъ, доверха набитый снѣгомъ. Онъ, какъ хозяинъ, протянулъ ноги и полуразлегся, опершись спиной въ косякъ дверей.

— Нѣтъ человѣка, который бы зналъ, куда идетъ и зачѣмъ, оттого думаетъ въ теплѣ спать, а спитъ часто на снѣгу,—ворчалъ бородачъ, выколачивая трубку и вновь набивая ее.

Гришка въ упоръ посмотрѣлъ гостю въ лицо.

— Чего бормочешь, какъ гусь весной?

— А ты чего лежишь?.. лось коло избы ходитъ, смерти ждеть.

Гришка быстро сѣлъ на полкъ и закашлялся отъ дыма.

— Эй, шавишь, дѣдъ!..

— Дѣдъ, да не тебѣ... Сколько мѣры по просѣкѣ до участковой тропы визирки?

— Шаговъ пятьсотъ,—отвѣтилъ Гришка и, враждебно косясь, слѣзъ съ полка.

Степка тоже поднялся.

— По визиркѣ ходу до мха. Тамъ раненый лось бродитъ,—уронилъ гость покуривая.

— Ой, ты! Чего самъ не билъ?

Гришка сталъ прогирать затворъ берданки.

— Я звѣря не порчу зря—ружьиншко мелко, рябовос,—почти неохотно отвѣтилъ бородачъ.

Напяливая тѣсный полушубокъ на широкія плечи, Гришка пригрозилъ гостю:

— Только, дѣдъ, уговоръ помни—пашавиль пролося—вернусь, бока наколочу и все твое слитье за избу кину!

Гость, вынувъ трубку изъ рта, громко захохоталъ.

— Небойсь! Звѣря сыщешь, рони его этимъ днемъ, завтра поздно.

— Ишь, граеть какъ!—сказалъ Степка, одѣтый, убѣгая отъ избы на лыжахъ.

Гришка пріостановился. Изъ раскрытой избы все еще слышался смѣхъ. Гришка тряхнулъ головой и плюнулъ.

— Видно въ малѣ умѣ старикъ! Наддай, Степка, только бы на слѣдъ пасть, не первый лось,—срѣжемъ. Пусты-ка, я побѣгу впередъ.

Парни бѣжали шибче и шибче по широкой просѣкѣ къ узкой визиркѣ, отдѣляющей нарѣзанный для рубки участокъ лѣса.

Стало вечерѣть. Слегка зазеленѣлъ снѣгъ и зеленѣе, чѣмъ въ полдень, стало небо. Какъ будто близко совсѣмъ, перерѣзая отчеканенныя на блѣдномъ неосѣмненныя вѣтки да вершины деревьевъ, кровавой неровной трещиной краснѣла заря.

— Ночью морозъ, Степка!—разгоняя лыжи, сказалъ старшій,—лыжа свиститъ.

— Пушай.

— Хлѣба взялъ?

— Взя-а-лъ.

— Топоръ?

— Есть!

— Ну, дѣло на правахъ. Вотъ кровь и слѣды, а только лось утянетъ въ ночь.

Парни бѣжали все шибче, вспотѣли, но лось въ видѣ еще не взяли.

— Я, Гриша, полушубокъ кину!—крикнулъ Степка.

— Кидай, знакомо тутъ!

Гришка тоже вспотѣлъ и, не уменьшая бѣга, сбросилъ въ снѣгъ свой полушубокъ.

— Гри-и-ша, я хлѣбъ брошу, грузить!

Гришка не слышалъ, онъ, далеко опередивъ брата, выбѣжалъ на мохъ. Иззелена бѣлое пространство, розовое къ горизонту, на десятки верстъ лежало впереди.

— Вона лось!

— Вижу,—тяжело дыша, добѣжавъ, отозвался младшій.

Старшій остановился и приказалъ:

— Садись на снѣгъ, я съ тебя стрѣлю.

— Далеко!

— Садись.

Степка сѣлъ. Гришка, оттянувъ ударникъ берданки, сунулъ ружье на плечо брата, навелъ и выстрѣлилъ. Ровно катившееся вдали темное пятно стало подпрыгивать и, описавъ полукругъ къ ближайшему лѣсу, остановилось—сдѣлалось меньше.

— Палъ!—сказалъ Гришка, вставая на лыжи.

Парни бѣжали въ однѣхъ грязныхъ кумачиныхъ рубахахъ; отъ ихъ движеній рубахи потрескивали.

— Ишь морозомъ корастъ,—сказалъ старшій.

— У меня къ спицѣ примерзла руб...—задыхаясь отъ рѣзкаго вѣтра, крикнулъ Степка.

Полевой телефонъ.

Старшинъ успокоилъ, уменьшая бѣгу:

— Дойдемъ скоро—все соберемъ да въ избу.

— Надо дѣда-то, Гриша, почествовать, лося от-

вѣсть.

— Не за что! Чего самъ не билъ.

— Уружье мелкое.

— Бѣгать не можетъ, а не уружье.

На зеленѣющемъ снѣжномъ пространствѣ стало

ясно видно лося—стоитъ на копытахъ, подогнувъ

ноги.

— Отъ нашего подарка не укачешь далеко. Го-

ло, дружокъ!.. — гоготалъ Гришка, прибавляя хода.

Заслышавъ отрывистый свистъ лыжи по снѣгу и

не звѣриный, чуждый звукъ голоса, лось, собравъ

силы, вскочилъ и кинулся въ сторону. Съ отчаянной

быстротой, иногда ломая твердый снѣгъ, пересѣкъ

поперекъ ровное пространство мха, исчезъ въ ельникѣ,

оставивъ на снѣгу пятна крови.

Всплывалъ мѣсяцъ—небо стало зеленовато-се-

ребристымъ, рѣзкія тѣни, то стройныя, мѣстами урод-

ливыя, ложились все рѣзче на побѣлѣвшій снѣгъ.

Равнина съ одной стороны одѣла синюю ото-

почку.

— Гришка, вернемъ въ избу... завтра дойдемъ

то.—крикнулъ Степка, догоняя нагнувшагося надъ

лыжей брата.

Онъ держалъ шапку въ рукахъ, отъ волосъ шелъ

паръ. Гришка, поправляя ремень лыжи, покосился на

брата.

— Ночи боишься?—разогнулся онъ, сбросивъ

мокрую шапку на снѣгъ.

У него обледенѣли концы кудрей, густые усы

были бѣлы и жестки, крупный потъ катился по ши-

рокому лицу до подбородка, съ подбородка потъ сту-

чалъ мерзлыми сосульками и по мерзлой рубахѣ шурша

падалъ въ снѣгъ.

— Ночи не боюсь!—отозвался Степка.

— То-то... который десятокъ лосей бьемъ, со-

считай.

— Ну, такъ бѣжимъ, морозить!

— Пускай кораетъ. Дай лыжу поправить.

По бѣлому снѣгу, подбитому яркими точками,

зелеными и голубыми, снова бѣжали охотники. Ино-

гда лыжа втыкала въ снѣжную подушку, а подъ

снѣгомъ—кустъ, приходилось пятиться, падать. Отъ

снѣга, сметеннаго на ходу съ деревьевъ, мерзлыя

рубахи на охотникахъ побѣлѣли, какъ пологно; ель-

никъ шелъ все гуще и гуще.

— Ляжетъ скоро!—кричалъ Гришка.

— Ляжетъ!—вторилъ младшій братъ.

Слѣды и черныя пятна вывели братьевъ на берегъ

озера. Мѣсяцъ, звѣзды и малѣйшія облака отчетливо

ясно свѣтились въ зеленомъ, прозрачномъ, какъ вода, ледяномъ зеркалѣ. Степка такъ и застылъ, глядя на озеро.

— Лѣду не видалъ—воззрился! Чисто выпахано—видно самъ лѣшій тутъ вечеринки править,—проворчалъ Гришка, тяжело дыша и разминая мерзлую рубаху, заботливо нища звѣриныхъ слѣдовъ глазами.—Чертъ, въ пустую ушли, не по слѣдамъ.

— Я не могу назадъ, Гриша!—тихо сказала Степка, не двигаясь съ мѣста.

Его пошатывало на лыжахъ.

— Не въ сызность? видно судьба наша тутъ быть, и я ослабъ—дай-ко хлѣбъ!

— Да бросилъ я хлѣбъ.

— Э, худо безъ хлѣба! Давай топоръ, въ тепло легше.

Степка подаль топоръ брату, вытащивъ его изъ-за ремня, прикрытаго мерзлой рубахой.

— Пойдемъ за озеро, тамъ рѣдколѣсье.

На рѣдколѣсьѣ, гдѣ росли толстыя сосны и лиственницы, Гришка отыскалъ голую сушину, поступалъ обухомъ топора.

— Поеть, стерва! Эта много огня дастъ, сухая, какъ кость.

Степка, подобравъ ноги, присѣлъ на лыжахъ подъ елью, ждалъ, а Гришка рубилъ; но съ одной стороны рубить толстую сушину ему казалось долго, охотникъ началъ рубить ее съ другой стороны.

— Тьфу, усталъ, топоръ въ рукахъ мотается,—сердился онъ, размахивая все сильнѣе и сильнѣе топоромъ, грѣясь при каждомъ хорошемъ ударѣ.

Степка дремалъ, сидя на лыжахъ, прислонясь къ сли головой, когда братъ швырнулъ въ сторону топоръ.

— Издохнемъ на морозѣ: топоръ выломилъ,—сказалъ онъ, расталкивая брата.

Мѣсяць стоялъ высоко и, еще больше поблѣвъ, сиялъ ярче.

— Не спи, Степаха, бѣда!—громко и спокойно прибавилъ Гришка.

— Что?—очнулся Степка.

— Топоръ сдалъ, рубить печѣмъ, помогай ельничъ ломать.

Братья вдвоемъ принялись за работу. Когда сѣли братья въ кучу холоднаго ельника, младшій снова сталъ дремать; старшій заботливо взглядывалъ на небо: ночь свѣтилась ярче дня и зловѣщія вѣстницы большого мороза—сухія вѣтки, сжатые холодомъ,—потрескивая падали въ снѣгъ.

«Стригетъ лѣсину, къ утру покрѣпчаетъ еще»,—думалъ Гришка, пощелкивая зубами.

Брата онъ будилъ постоянно:

— Эй, не спи, Степка!—и чувствовалъ, что съ каждымъ разомъ поднять соннаго становится труднѣе.

Усталость и сонъ одолевали. Гришка тоже задремалъ. Большой кругъ, яркій, какъ огонь, расплывался предъ задреманными глазами. Гришка съ усиленіемъ приоткрылъ глаза,—кругъ сталъ еще шире и загорѣлся ярко-зеленымъ огнемъ. Охотникъ снова задремалъ. Кругъ расплылся въ цѣлое поле; на полѣ, обогрѣнномъ краснымъ закатомъ, гдѣ-то тонко и нѣжно запѣла птичка, потомъ умолкла; лишь одна желна стучала носомъ по сушинѣ и звонко, уныло стонала. Кто-то громко сказалъ:

— Гришка, лось! Гришка!

Охотникъ упрямо затрясъ курчавой головой и подумалъ: «Лѣшій, что ли, зоветъ?»—но глазъ не открылъ. Вблизи затрещалъ ледъ и мерзлые сучья.

— Гришка... Гришка-а!..

Гришка открылъ глаза. Стороной, медленно-устало и осторожно проходилъ лось; при лунномъ свѣтѣ онъ казался свѣтло-сѣрымъ, только сбоку, близъ груди, изъ него капала кровь на снѣгъ—шерсть въ томъ мѣстѣ взмокла, казалась черной.

Гришка вскочилъ на колѣна схватилъ ближайшую берданку и оконченными пальцами неслово потянулъ затворъ, затворъ подавался, а патронъ, выброшенный пружиной, упалъ въ снѣгъ.

— Тьфу!—съ досадою мысленно отплюнулся Гришка, нашарилъ новый патронъ, вложилъ, а когда щелкнулъ поставленный на мѣсто затворъ, лось прибавилъ шагу и скрылся между обледенѣвшими деревьями. —Степка, не спи,—лось!

Но Степка крѣпко спалъ и пробудиться его было трудно.

«Ничто... растяну звѣря, тогда подниму парня».

Гришка, вставъ на лыжи, шумя рубахой, какъ жестью, поблѣжалъ.

«Чертъ ее... солгать бы рубаху, мерзлая!»

Лось брелъ вдаль, Гришка прибавилъ бѣга—не уйдешь.

«Коли на глаза палъ—не уйдешь, не первый такой!»

Наблѣжавъ на перестрѣль, Гришка прицѣлился: ночь свѣтлая, но мушку отыскать онъ хорошо не могъ,—рѣсницы морозомъ запушило. Ладно, мишень большая!

Какъ длинный пастушій кнутъ, щелкнулъ выстрѣлъ, и ясно видно было—ввали отъ звѣря съ самаго хребта посыпался снѣгъ.

«Стрѣлилъ торопко, сверху взяло»,—подумалъ охотникъ и приостановившись вложилъ новый патронъ—лось пошелъ тише.

Мѣсяць свѣтилъ прямо въ лицо Гришкѣ, и, чѣмъ ходче блѣжалъ охотникъ, тѣмъ зеленѣе становился мѣсяць. Шерсть на лосѣ изъ сѣраго цвѣта перешла въ зелено-серебристый.

«Зелѣетъ все шибче—къ утру морозъ бѣдовый,—думалъ охотникъ, щелкая зубами,—нельзя нимаю стоять; какъ сталь—застылъ!»

Изъ ледяной мглы выдвинулось длинное озеро, лось, попрежнему серебристо-зеленый, пошелъ берегомъ и невѣдомо откуда по льду, не отставая ни на шагъ отъ перваго, блѣжалъ другой, еще болѣе серебристый.

«Узнаю, настоящій ли?»

Гришка на-бѣгу навелъ въ нижняго—пуля взвизгнула на льду, щелкнула рикошетомъ по деревьямъ, а лось, блѣжавшій по берегу, и не вздрогнулъ отъ выстрѣла.

«Нижній лось—фальшивой, стѣнь одна».

Озеро было не широкое, лоси шли правымъ берегомъ. Гришка, чтобъ имѣть чистую мишень, блѣжалъ лѣвымъ. Почти не мигая онъ глядѣлъ на звѣрей, чтобы не дать имъ уйти. По холодбующему тѣлу охотника проблѣкала горячая дрожь отъ неожиданной мысли.

«Постой!—остановилъ онъ себя.—Ежели лось

На суку.

льду—стѣнь верхняго, то должна быть тормашка кверху. Бѣгутъ они правильно, да копыта по льду глеждать, слышу. Значить—онъ водить! Увели.. — Э, все одно лѣшево дите—убью тебя!—упрямо шилъ Гришка, шелкнулъ затворомъ, выбросилъ струю гильзы, перекрестилъ окоченѣвшей рукой палецъ и подумалъ, вставляя:—крещу-то неправильно, пальцы въ крестъ не гнутся. Святъ, святъ, Господь съ нами!

За озеромъ мѣсяцъ сталъ крупный, выпуклый, въ шаръ. Гришка оглядѣлъ деревья, толстыя, медшія вершинами въ свѣтлое небо. Онъ увидалъ, что деревья блестятъ сквознымъ, невиданнымъ свѣтомъ, словно цѣликомъ сдѣланныя изъ льда.

«Морочить, вижу». На суку близко сидитъ большой филинъ. Гришка, чтобы провѣрить, свѣтится ли насквозь, какъ дѣлаетъ птица, нагнулся въ снѣгъ, хотѣлъ передвинуться на болѣе гладкое мѣсто и не могъ, но филина разглядѣлъ хорошо: сидитъ, не шевелится, весь возной, только желтые, какъ мѣдныя пуговицы, глаза не свѣтятся, тусклые, не сквозные, но сквозь перья отчетливо видно вѣтку сосны.

Разглядывая птицу, Гришка бормоталъ отрывочно: — Я, вотъ только чуть согрѣюсь... Я убью, лѣшево дите... набѣгу ужю... Охотникъ еще больше прижался на снѣгу, удержать не могъ въ окоченѣвшихъ рукахъ берданку, она скользнула въ снѣгъ.

Гришка сталъ разгибать непослушную шею, оглядывать сучья, опредѣляя смутно югъ и сѣверъ, потомъ опустилъ голову и удивился—сквозь валенки онъ видѣлъ свои ноги: красныя, съ мозолями на мизинцахъ.

«Вотъ диво! Сквозь катанки вижу ноги,—будто я боскомъ. Рукъ не вижу... варежки мерзлыя—э, все морока! идтить... тепло тутъ. — На минуту Гришка примиренно успокоился и подумалъ:—али обаталъ ты, лѣший? изъ силъ вывелъ, топоръ сломалъ—все ты! ты... оба-а-та-ль?»

Но въ немъ проснулось неожиданно упрямое, смутное сознание опасности.

«А, нѣтъ! не на того попалъ. Мастакъ грать—по-о-годи-и!»

Потрескивая побѣлѣвшей мерзлой рубахой, изъ послѣднихъ силъ охотникъ завозился на снѣгу, уронилъ съ головы шапку. Не подымая ни шапки, ни ружья, не вставая на лыжи, шатаясь поднялся и побрелъ.

Съ бѣлымъ лицомъ отъ ледяного налета, цѣпляясь окоченѣвшими руками въ постукивающихъ варежкахъ за стволы деревьевъ, весь бѣлый, словно снѣжный истуканъ, Гришка шелъ и бормоталъ:

— Оба-а-та-ль? врешь, шавишь, бородастый, сволочь!..

Спотыкаясь о мерзлое корорье и сучья, не останавливаясь, охотникъ уходилъ, не помня дороги, въ леденящую, бездонную мглу лѣса.

А. Чапыгинъ.

ИВАНЪ ЧЕРНОХЛЪБОВЪ.

В. В. РОЗАНОВЪ И ВОЙНА.

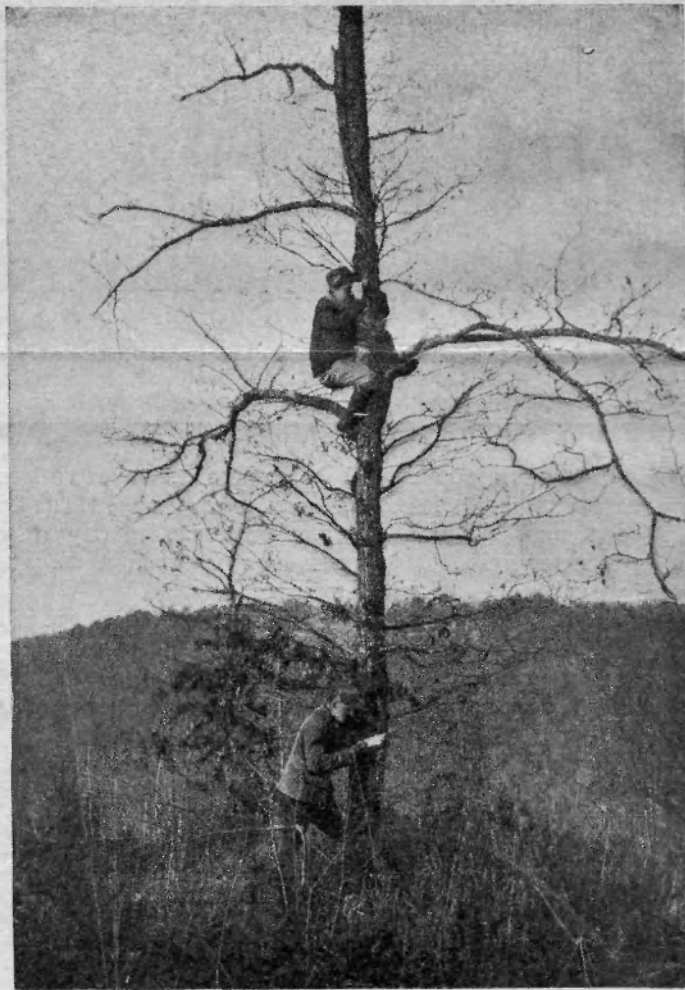
У В. В. Розанова острый и глубокий умъ, но самъ онъ — неглубокий человекъ. Онъ высказываетъ очень глубокия сужденія, но всегда лишь о томъ, что лежитъ на поверхности; самое большее — онъ проникаетъ въ низины жизни, и никогда — въ ея глубины. Въ этомъ его отличие отъ такихъ мыслителей, каковы Л. Толстой и Достоевскій; изъ ихъ книгъ на насъ смотреть весь человекъ, изъ книгъ Розанова — только часть человека, которой Розановъ пытается придать значеніе и „видъ“ дѣла, и потому въ концѣ концовъ изъ его книгъ на насъ глядитъ уродство, душа уroda.

Розановъ не идетъ дальше быта, не видитъ ничего глубже тѣла, и это сближаетъ его какъ разъ съ тѣми самыми „Бюхнерами и Молешоттами“, которыхъ онъ такъ ненавидитъ. Розановъ презираетъ голый, „безкровный“ умъ, цѣнитъ лишь то, что внушено бытомъ (т. е. оформленнымъ инстинктомъ), — и это удаляетъ его отъ чистыхъ источниковъ интуиціи, отъ неба и отъ Бога. Теософъ сказалъ бы, что Розановъ стоитъ на одной изъ низшихъ ступеней эволюціи. Въ сущности Розановъ «грязнѣе» любого изъ героев Достоевскаго, даже грязнѣе Ѳ. П. Карамазова, хотя это совсѣмъ не значитъ, что онъ грязнѣе ихъ. Въ Теодорѣ Павловичѣ уже есть демонизмъ, въ Розановѣ его совсѣмъ нѣтъ. Розановъ такъ же естественно грязноватъ, какъ тигръ естественно кровожаденъ; кровожадность тигра такъ же безгрѣшна, какъ безгрѣшна грязь Розанова. Тѣмъ не менѣе мысли его надо неустанно опровергать, ибо онъ — при всемъ своемъ видимомъ „кипѣніи и блескѣ“ — ужасающе косны, и весь Розановъ — не что иное, какъ „крылатый и поющій минералъ“. То, что онъ „поетъ“, быть можетъ, хорошо, пріемлемо и полезно для минераловъ, но для души

живой, тѣмъ паче для души человѣческой, смыслъ его пѣсень отвратителенъ и оскорбителенъ. Оскорбителенъ потому, что Розановъ возводитъ въ культъ пассивность, внутреннее недѣланіе, потому что, доживъ до старости, онъ все еще чувствуетъ себя ребенкомъ въ утробѣ матери („Уединенное“). Въ такомъ покоѣ нѣтъ близости къ Божеству, примиренія съ міромъ и послушанія Богу, этотъ „покой“ Розанова лукавъ, онъ созданъ дѣлнью, Розановъ не дошелъ до него черезъ страданіе, этотъ „покой“ — фальшивый, что подтверждаютъ почти всѣ тщанія Розанова. Во всѣхъ его писаніяхъ, почти во всѣхъ, высказанныхъ имъ, мысляхъ есть примѣсь злости, несомнѣстимой съ праведнымъ покоемъ. Уже рожденный человекъ не имѣетъ права на покой зародыша, а если онъ стремится къ такому состоянію, это значитъ, что онъ, — даже крѣпко вѣруя въ Бога, — Бога не любитъ, ибо труда внутренняго подвѣять не хочетъ, ибо стремленіи „впередъ и вверхъ“ въ себѣ не ищетъ и не разжигаетъ...

Въ давномъ случаѣ это больно и даже страшно, ибо умъ Розанова глубоокъ, глубоокъ и блестящъ. И съ такимъ-то даромъ Божиимъ Розановъ обращается несерьезно и неуважительно, почему и все его творчество можно въ концѣ концовъ сблизить съ пальбою „изъ пушки по воробьямъ“.

Такого рода мысли о творествѣ Розанова особенно настойчиво возникаютъ за чтеніемъ его послѣдней книги — „Волна

Наблюдатель.

1914 года и русское возрожденіе“. Можно сказать, что эта книга окончательно выявила неглубокость Розанова, какъ человека, и попутно показала, что для истинно-глубокихъ писаній и дѣлъ мало одного глубокаго ума. Великая по размѣрамъ война, звучащая, какъ трагическое предвѣстие для всей европейской культуры, даже и не зацѣпила Роза-

На отдыхъ.

ова. Нигдѣ онъ не задумывается надъ мистическимъ, тайнымъ, смысломъ происходящихъ ужасовъ, нигдѣ не возвышается надъ уровнемъ газетнаго фельетониста. „Съ ними бѣтъ Бога... Онъ о нихъ забытъ“,—пишетъ Розановъ про нѣмцевъ (стр. 86). „Вочка пива, а не драгоценный флякъ душистой влаги“,—продолжаетъ онъ далѣе (стр. 148). И еще ниже утверждаетъ, будто „Богъ давно умеръ въ германской наукѣ“ (стр. 163). Право, не нужно быть Розановымъ, чтобы въ наши дни повторять такіа фразы, не углубляя ихъ!

На ряду съ бездоказательными, и потому слабыми, порицаніями идутъ у Розанова столь же бездоказательныя восхващенія. „Отъ крестьянина до барина, отъ паломника Давида, до подвижнаго „ко святымъ мѣстамъ“, до князя Одоевскаго и Тютчева,—все русскіе, приходя въ чужія страны, отдавали прежде всего чужимъ народамъ и землямъ удивленіе, любовь, уваженіе“ (стр. 153). Здѣсь, что ни слово, то неправда! На самомъ дѣлѣ русскіе люди, бывавшіе, а особенно жившіе на границѣ, проявляли къ „чужимъ землямъ“ часто нелюбовь и очень часто крайнее неуваженіе. Князь Вл. Ө. Одоевскій мечталъ о „новомъ Петрѣ“, который придалъ бы Западъ „свѣжіе могучіе соки славянскаго Востока“. Тютчевъ предѣленно противопоставлялъ Западъ „русское христіанство“ и склоненъ былъ олицетворять весь Западъ въ отвратительномъ для него образѣ Бисмарка; у него же вырвалась во время Крымской войны понятнѣй страшная строчка о „богомержкихъ народахъ“. Достоевскій много говорилъ о своей любви къ европейскимъ святынямъ, но судилъ европейскую жизнь безпоощадно и не всегда безпристрастно. Въ Достоевскомъ-то именно и открывается характеръ русской „любви“ къ Западъ: мы любили не подлинный Западъ, а то, что

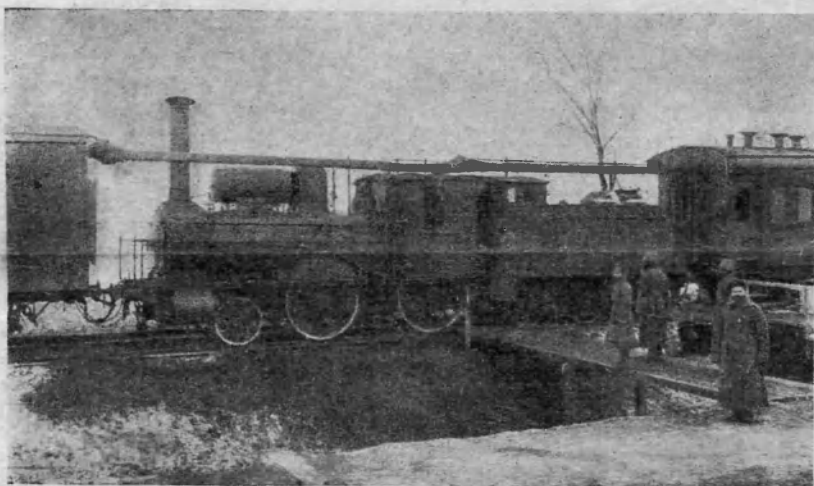
сами „намечтали“ о немъ. При первомъ же соприкосновеніи съ реальнымъ Западомъ наша любовь исчезала и замѣнялась высокомернымъ и въ значительной степени истерическимъ презрѣніемъ къ его жизни, будь это скромная, трудовая жизнь нѣмцевъ или „легкая и блестящая“ жизнь парижанъ *).

Съ такимъ отношеніемъ къ Западъ встрѣчаемся мы у Герцена, который изъ иламеннаго поклонника Запада постепенно превращался въ его озлобленнаго судью. Такое отношеніе къ Западъ проявилъ въ свое время и Максимъ Горькій, „расплевавшійся“ съ Франціей... Даже нашъ „ходячій вѣстникъ Европы“, П. Ө. Воборыкинъ, въ своей книгѣ „Столицы міра“ весьма далеко отъ безусловнаго уваженія къ Западъ, и многія страницы этой книги, посвященныя Франціи, гораздо чувствительнѣе и ядовитѣе „илектовъ“ М. Горькаго... Не стоитъ увеличивать историко-литературныхъ примѣровъ, чтобы доказать необоснованность розановскаго утвержденія. Въ его утвержденіи главное—не фактическія неточности, а сама суть: Розановъ въ наши дни повторяетъ ходячее мнѣніе о способности русскихъ къ уваженію. Мнѣніе же это—положительно вредное и создано оно главнымъ образомъ нашей лѣнью и косностью. Пушкинъ рѣдко ошибался, и онъ не ошибся сказавъ, что „мы лѣнливы и не любопытны“. Свои мечты о Западъ мы принимаемъ уже за уваженіе къ нему; произнесъ слово „уважаемъ“, мы думаемъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ уважаемъ. Между тѣмъ умѣнія уважать какъ разъ и нѣтъ у насъ, и въ этомъ заключается одинъ изъ самыхъ страшныхъ русскихъ недостатковъ, это „отсутствіе уваженія“ и грозитъ

* См. напр. презрительный отзывъ того же Розанова о нѣмецкомъ прилежаніи (стр. 146).

Польдь-баня. Прачечная.

Польдь-баня. Паровозодъ.

Польдь-баня. Дезинфекціонная.

намъ въ будущемъ крупнѣйшими осложнениями и несчастіями. Наши великіе люди,—напримѣръ Толстой и Достоевскіи,—глубоко любили и не менѣе глубоко ненавидѣли, но какъ-то странно говорить объ „уважающемъ Львѣ Толстомъ“ или объ „уважающемъ Федорѣ Достоевскомъ“, тѣмъ паче—объ „уважающемъ Петрѣ I“. Изъ этого проникаетъ всю русскую жизнь, отъ самаго крупнаго въ ней и до послѣднихъ бытовыхъ мелочей. Въ Италіи многія сотни лѣтъ хранятъ домики Данте и Петрарки, а у насъ домъ Пушкина сожгли, домъ Лермонтова сожгли, домъ Тургенева сожгли, а на могилѣ Льва Толстого начали распивать водку. Принимая все это, мы далеки отъ желанія узрѣть русское „я“, мы просто отмѣчаемъ прискорбный фактъ и причиной его считаемъ наше племенное славянское слаболоіе, которое,—какъ мы глубоко вѣримъ,— можетъ быть постепенно устранено. Розановъ же, присоединяя свой голосъ къ голосамъ безчисленныхъ газетныхъ писакъ, утверждаетъ это зло, затемняя его, и, по всегдашнему своему обыкновению, косвенно славословитъ любезную ему косность; Розановъ смѣшиваетъ тутъ умиленье, къ которому мы чрезмѣрно даже способны, съ уваженіемъ и такъ сказать, подставляетъ легкое на мѣсто труднаго, ибо умиляться могутъ и слабые, а для того, чтобы уважать, нужна душевная и всякая иная сила. Такимъ образомъ изъ неглубокости Розанова, какъ человѣка, и простекаетъ замысловатая и соблазнительная путаница его тиданій. Глубина и правда достигаются только страданіемъ. Если бы Розановъ любилъ Россію менѣе благодушно, но болѣе глубоко, онъ не „распѣвалъ“ бы о способности русскихъ людей къ уваженію. Въ русскомъ народѣ много великаго, прекраснаго и свѣтлаго, но много въ немъ и темнаго, и грѣшнаго. Во дни, когда на поляхъ сраженій гибнуть, быть можетъ, сотни тысячъ юныхъ жизней, нельзя ругаться надъ русскимъ народомъ, но столь же непозволительно и „обожествлять“ русский народъ и пѣть ему сплошные гимны. То, что дѣлаетъ сейчасъ большинство газетъ, не только не умно, но даже столь же непристойно, какъ непристойно было злорадство крайнихъ лѣвыхъ партій по поводу русскихъ пораженій въ эпоху японской войны. А Розановъ какъ разъ дѣлаетъ такое же самое дѣло.

„Вся русская исторія есть тихая, безбурная; все русское состояніе—мирное, безбурное. Русскіе люди—тихіе. Въ хорошихъ случаяхъ и благопріятной обстановкѣ они неодолимо вырастаютъ въ ласковыхъ, пріятныхъ, добрыхъ людей. „Русскіе люди—славные“. Кстати, прилагательное „славный“ сливается съ именемъ племени—„славяне“ (Розановъ, стр. 51). Но, г. Розановъ, вѣдь вы же были учителемъ исторіи! Что же такое русская исторія? Неужели Святославъ былъ „мирный“? Неужели Святополкъ Окаянный былъ „пріятный“? Неужели Андрея Боголюбскаго убили „ласково“? И куда вы

нениями вытолкнете изъ русской исторіи „историю“ Василия Темнаго, дѣянія Ивана Грознаго, характеръ Петра I? Куда вы дѣнете Разина и Пугачева, патріарха Никона и протопопа Аввакума? Наконецъ, хоть вы и презираете „писателишекъ“, но вѣдь значили же и они хоть чтонибудь! И много ли „мира“ найдете вы въ личностяхъ Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Достоевскаго? Вѣдь въ концѣ концовъ не къ Афанасію же Ивановичу съ Пульхеріей Ивановной сводится вся русская жизнь!

„У нѣмцевъ святыхъ нѣтъ, а у русскихъ святыхъ много. Не потому ли, что мы—народъ праведный?“—такъ думаетъ Розановъ, хотя и не говоритъ этого прямо. Да! у насъ было много истинныхъ святыхъ, „ласковыхъ и пріятныхъ“ людей, но не потому ли Господь послалъ ихъ Россіи, что слишкомъ много грѣха и злобы, и жестокости лежало въ русской душѣ, что слишкомъ много страданія падало на русскія плечи? Конечно недаромъ и не случайно св. Филиппъ встрѣтился съ Іоанномъ Грознымъ и не случайно во дни Аракчеева звучали кроткія молитвы св. Серафима Саровскаго! Но не св. Филиппа и не св. Серафима пытается утвердить и воспѣть Розановъ предъ лицомъ небывалой войны, а гоголевскаго Манилова. „О сколь безупреченъ русскій народъ!“—восклицаетъ Розановъ всю свою книгу. И „заливаясь“ такимъ образомъ, безпардонно хуля и „съ легкостью необыкновенной“ восхваляя, онъ воображаетъ, что „любитъ Россію“. Невольно вспоминаются слова, сказанныя тридцать пять лѣтъ тому назадъ человѣкомъ, во-первыхъ, любившимъ Россію не меньше Розанова, а, во-вторыхъ, обладавшимъ не меньшимъ чутьемъ государственности, нежели онъ.

„Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго аріискаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей“. Эти слова сказалъ Ѳ. М. Достоевскій въ рѣчи о Пушкинѣ (Сочин. Достоевскаго, изд. 4, 1891 г., т. XI, стр. 448). Если бы Розановъ былъ глубже, онъ не забылъ бы этихъ словъ никогда, а тѣмъ болѣе нынѣ. А если бы онъ помнилъ эти слова, въ которыхъ изступленный голосъ Достоевскаго сливается въ одно съ кроткою молитвою св. Серафима и другихъ святыхъ нашихъ, онъ привялъ бы настоящую войну „безъ форса и ликованія“, а какъ великое испытаніе для всей аріиской расы. И тогда, вмѣсто сборника блестящихъ, но пустыхъ фельетоновъ, онъ, быть можетъ, далъ бы книгу, которая во дни временной вражды утверждала бы вѣчную любовь, и, вмѣсто кощунственныхъ утвержденій о Богѣ („Богъ габьль“, „Богъ умеръ“!), съ его устъ слетали бы смиренныя молитвы о Возьмемъ милосердія...

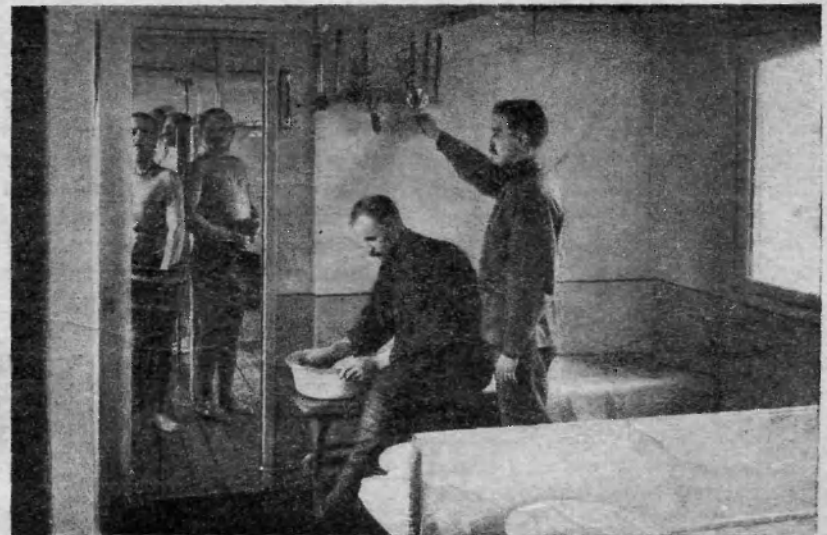
И. Чернохлѣбовъ.

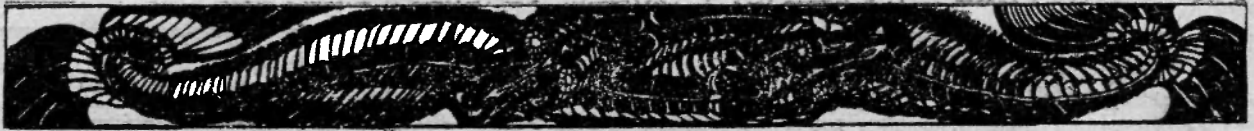
Повозъ-баня. Въ очереди.

Повозъ-баня. Погрузка бѣлья.

Повозъ-баня. Раздѣвальня.

Свѣтъ.

Стоны,
стоны
истомные, бездонные,
долгіе, долгіе звоны
похоронные,
стоны,
стоны...

Жалобы,
жалобы на Отца,
жалость язвящая, жаркая,
жажда конца,
жалобы,
жалобы...

Узелъ туже, туже,
путь все круче, круче,
все уже, уже, уже,
угрюмѣй тучи,
ужась душу рушить,
узелъ душишь,
узелъ туже, туже...

Господи, Господи,—нѣтъ!
Вѣщее сердце вѣрять,
Боже мой, нѣтъ!
Мы подъ крылами Твоими.
Ужась и стоны, и тьма,—а надъ ними
Твой немеркнушій Свѣтъ!

Неизвѣстная.

Что мнѣ дѣлать со смертью—не знаю.
А вы, другіе,—знаете? знаете?
Только скрываете, тоже не знаете.
Я же незнанья моего не скрываю.
Какъ ни живи,—жизнь не отвѣтитъ.
Развѣ жизнью смерть побѣждается?
Сказано—смертью смерть побѣждается..
Значить—на всѣхъ путяхъ она встрѣтитъ,
А я ее всякую—ненавижу.
Только свою люблю, неизвѣстную.
За то и люблю, что она—неизвѣстная,
Что умру и очей ея не увижу.

Э. Гиппиусъ.

М. НЕЧИТАЙЛО—АМДРЪ НКО.

* * *

Присталъ ко мнѣ нищій-дуракъ,
Идетъ по пятамъ, какъ знакомый.
— Гдѣ деньги твои?—Снесъ въ кабакъ.
— Гдѣ сердце?—Заброшено въ омутъ.

— Чего-жъ тебѣ надо?—Того,
Чтобъ сталъ ты, какъ я, откровенень,
Какъ я, въ униженьѣ—смирень.
А больше, мой другъ, ничего.

— Что лѣзешь ты въ сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!
— Ты думаешь, другъ мой, насъ—двое?
Напрасно: смотри, оглянись...

И правда (ну, задалъ задачу!),
Смотрю—близъ меня никого.
Въ карманъ посмотрѣлъ—ничего.
Взглянулъ въ свое сердце—и плачу.

Одинъ.

Ты жилъ одинъ. Друзей ты не искалъ
И не искалъ единовѣрцевъ.
Ты острый ножъ безжалостно вонзалъ
Въ открытое для счастья сердце.

Безумный другъ! Ты могъ бы счастливъ быть!
— Зачѣмъ? Средь бурнаго ненастья
Мы все равно не въ силахъ сохранить
Неумирающаго счастья.

Александръ Блокъ.

М. НОВОРУССКІИ.

ПРОСЪЯННАЯ НАЦІЯ.

Прішель Нѣкто сильный, могучій, неотвратимый и просъяль. Просъяль онъ германскую націю сквозь рѣшето войны и ушелъ, а нація послѣ небольшого перерыва стала продолжать свое мирное культурное существованіе, которое она вела многіе годы до войны.

Просъиваніе длилось ровно годъ и два мѣсяца. И къ концу сентября 1915 г. нація вздохнула свободно: она была замирена. Она осталась почти въ тѣхъ же границахъ и потеряла только колоніи, военный и торговый флотъ, деньги и нѣсколько миллионовъ людей. Не больше $3\frac{1}{2}$. Они погибли отъ пуля, отъ ранъ и болѣзней, отъ недоѣданія и пстощенія. Многіе изъ погибшихъ были еще живы, но стали живыми мертвецами. Они уже никогда не смогутъ принять активнаго участія въ организаціи новой мирной жизни, германской жизни.

Было въ Германіи 32.150 тыс. мужчинъ и 33 милл. женщинъ. Женщины остались въ томъ же числѣ, а мужчинъ стало чуть поменьше—29 милл. Итогъ вышелъ бы въ 62 милл., но 2 милл. сосѣди отрѣзали въ пограничныхъ областяхъ.

Потеря была не очень значительна. Осталась еще большая, людная нація, но физически и психически обезсиленая. Она была просъяна.

Когда жизнь просъиваетъ людей, она всегда дѣлаетъ жизненный отборъ: остаются всѣ наиболѣе дѣятельные, наиболѣе стремящіеся впередъ, наиболѣе ловкіе, тѣ, которые умѣютъ пролагать пути и творить безъ конца. А когда смерть просъиваетъ людей...

Ни пуля, ни ядро, ни тифъ, ни шрапнель никогда не дѣлаютъ выбора между активными и неактивными натурами. Даже болѣе. Чаще всего они поражаютъ наиболѣе активныхъ, тѣхъ, кто рвется въ бой, тѣхъ, въ комъ больше стремительности, въ комъ сильнѣе чувства, кто жаждетъ торжества и побѣды, кому хочется проявить больше личной энергіи, чтобы поскорѣе окончить войну.

Изъ $3\frac{1}{2}$ милл., которые потеряла Германія, болѣе 2 милл. были самыми сильными, даровитыми сынами своей родины, во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ дарованій, опытности и ловкости. Одни таили въ себѣ высокія, вдохновенныя мысли, въ другихъ бродили творческіе замыслы, иные были ловкими, талантливыми, неутомимыми работниками на разныхъ поприщахъ жизни.

Теперь ихъ отсѣялъ отъ Германіи Нѣкто могучій. Они ушли изъ жизни туда, откуда никто не возвращается. И талантливый организаторъ, и талантливый учитель, и усидчивый изобрѣтатель, и проникательный строитель внутренней жизни, и удивительно ловкій техникъ. Ушли и оставили пустое мѣсто.

Они были солью германской земли, осью, на которой вращалась ея многогранная научно-промышленная и художественно-техническая жизнь, они были душой націи и создавали всю ея духовную и матеріальную структуру.

Никогда народы въ мирное время не проявляютъ свою активность развернутымъ строемъ, не творятъ свою жизнь

одинаковыми усилиями миллионныхъ массъ. Всегда организаторы и творцы въ каждой отдѣльной ячейкѣ социального цѣлага являются единицами. Другіе послушно слѣдуютъ за ними, подражая имъ либо въ силу инстинкта, либо въ силу социальной необходимости.

Этихъ единицъ очень много, такъ много, какъ много отдѣльныхъ ячеекъ въ сложной структурѣ современныхъ цивилизованныхъ націи. Но все-таки они—единицы, могущія подлежать отбору. И если бы кто великій произвелъ этотъ отборъ и вывелъ изъ жизни, онъ вынулъ бы душу изъ націи.

Теперь Нѣкто, кинувшій Германію въ горнило военныхъ испытаній, просъяль націю и произвелъ этотъ отборъ. Не всѣ, но весьма многія изъ этихъ цѣнныхъ единицъ ушли изъ жизни. И когда Германія вернулась къ мирному творческому труду, тотчасъ стало замѣтно, что нѣтъ именно тѣхъ, которые нужныя всего для этого труда. И этотъ трудъ тотчасъ завялъ.

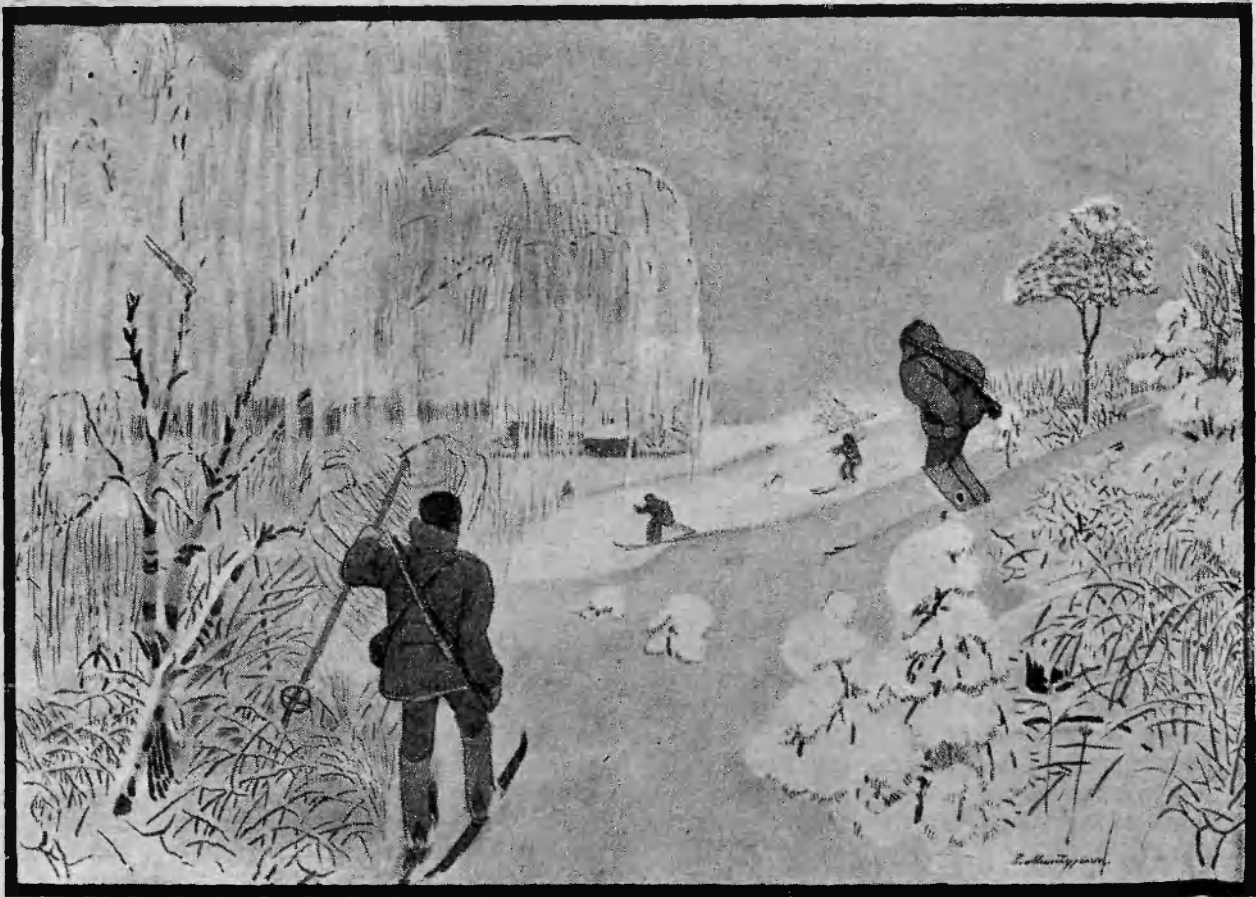
Книги, газеты и журналы поблекли и уже не искрились ни умомъ, ни талантомъ. Даже количество ихъ стало далеко ниже привычной нормы. Блѣдныя, старая мысли, упрямое повтореніе прошлаго, добытаго прежней Германіей. Ни дерзанія ввысь, ни углубленія внутрь, ни кропотливыхъ изслѣдованій. Вѣдь они требуютъ колоссальнаго труда и скрупулезной внимательности, которые всегда отличали ученыхъ Германіи отъ ученыхъ другихъ націи.

Въ школѣ, высшей и низшей, не раздавались сильные, властные голоса, призывавшіе къ труду, творчеству и проложенію новыхъ путей. Тѣ, чьи голоса были особенно громки въ этомъ отношеніи, не вернулись съ поля сраженія руководить юношествомъ. Вялые рѣчи инертныхъ и престарѣлыхъ педагоговъ не зажигали юношей энтузіазмомъ, не вдохновляли ихъ на дѣланіе жизни. И даже болѣе даровитые изъ нихъ незамѣтно погасли: они утратили вѣру въ себя и въ тѣ широкія перспективы, которая должны развернуться предъ ихъ быстро растущей націей.

На фабрикахъ и заводахъ пульсъ жизни установился прерывистый. Самыя тонкія, сложныя и болѣе цѣнные вещи не могли появляться въ свѣтъ, потому что наиболѣе ловкіе люди, необходимые для этого, не вернулись къ своимъ механизмамъ. И неизвѣстно, сколько времени пройдетъ, пока воспитаются новые люди, столь же опытные, да еще въ такой школѣ, которая утратила прежній темпъ жизни.

Станки остались. Но станки мертвы. Ни паръ, ни электричество одни не оживляютъ ихъ. Они живутъ полной, интенсивной жизнью только тогда, когда опытные техники непрерывно улучшаютъ и усовершенствуютъ ихъ механизмы. Иначе станки являются матеріальной основой для безнадежнаго консерватизма, который обрекаетъ всю страну на промышленный застой.

И въ то же время разстройство международной торговли внесло полную разруху въ цѣлый механизмъ хозяйственной жизни страны. Еще недавно этотъ механизмъ былъ удивитель-

П. Митуричъ. „На лыжахъ“.

тельно хорошо налаженъ. Теперь налаживать нужно сызнова. Для скорѣйшаго устранения этой разрухи нужны наиболѣе активные дѣятели и большіе свободные капиталы, а у Германіи нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. И трудно сказать, что ей нужна всего: капиталы, люди или новый подъемъ энергій, который у большихъ націй вызывается великими событиями. Несомнѣнно одно: люди, строившіе прежнюю Германію и знавшіе технику этого строительства, теперь ушли и ключъ съ собой унесли.

Такой сложный и тонкій механизмъ, какимъ является хозяйственная жизнь современныхъ цивилизованныхъ націй, требуетъ большого числа людей, специально для него приспособленныхъ. Эта специализація требуетъ и особыхъ дарований, и особой подготовки. Теперь специалисты въ огромномъ количествѣ ушли изъ жизни. Кто и какимъ образомъ замѣнить ихъ? И притомъ безъ нарушенія цѣлостности механизма, безъ остановки его прежняго хода.

Все это, читатель,—и преждевременныя гаданія, но они болѣе чѣмъ правдоподобны. И притомъ вѣдь такъ хочется приоткрыть завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ ближайшее будущее!

Никогда еще промышленная нація не вела такой длительной и такой истребительной войны. А ведетъ она ее не силами солдатъ („рядовые“), а силами гражданъ, изъ которыхъ большая половина специализирована въ промышленности своей страны. Это—технически опытная и промышленно цѣнная единица. Утрата каждой изъ нихъ на войнѣ есть несомнѣнная утрата для промышленности, утрата же иныхъ ничѣмъ незамѣнима.

И военное просѣиваніе такой націи есть въ то же время отсѣиваніе отъ промышленной (а также научной и технической) жизни страны большого количества такихъ незаменимыхъ единицъ. Это есть не только кровоусукаіе для націи, это—обезкровливаніе всѣхъ ея главнѣйшихъ, наиболѣе жизненныхъ функцій.

Таковъ первый, неминуемый и ближайшій результатъ войны для Германіи. Будетъ ли онъ длительнымъ и роковымъ для нея, объ этомъ позаботятся союзники при заключеніи мира. Союзники, не покладая рукъ, все время работаютъ у себя въ тылу, замѣняя германскіе товары своими или полученными изъ дружественныхъ странъ. За годъ войны они успѣютъ далеко уйти въ этомъ направленіи. И когда Германія вновь явится на міровой рынокъ со своими товарами, мѣсто ея во многихъ случаяхъ будетъ прочно занято другими.

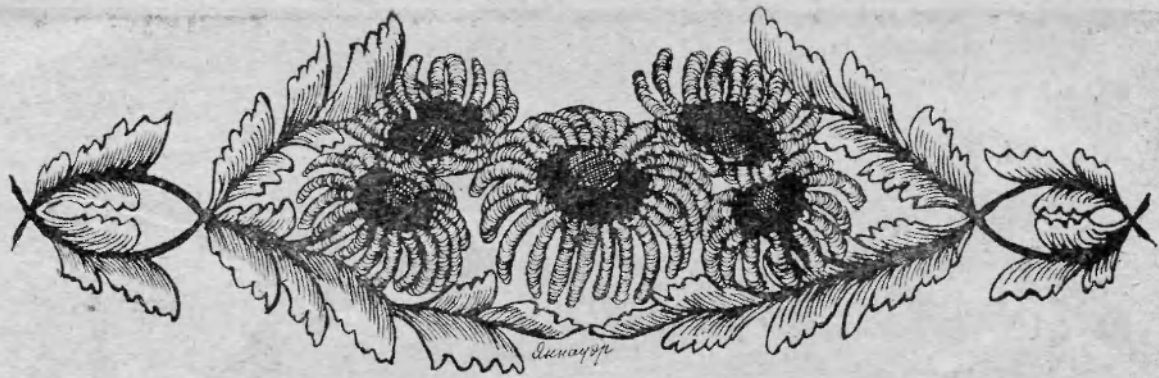
Разстройство производственныхъ функцій увеличится еще больше, когда вскроется во всемъ объемѣ разстройство торговыхъ отношеній.

Нужно выйти изъ войны съ небывалымъ героическимъ подъемомъ настроенія, чтобы преодолѣть всѣ эти роковыя и неустрашимыя затрудненія.

Можно быть увѣреннымъ, что съ такимъ настроеніемъ Германія изъ этой войны не выйдетъ. Нація, которая будетъ просѣяна на поляхъ битвъ, остановится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи на долгіе и долгіе годы.

Битвъ она желала, но битвъ скорыхъ, молниеносныхъ, торжествующихъ. И получила совсѣмъ не то, чего желала.

М. Новорускинъ.

Н. К—НЪ.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ.

Мы всё интересуемся настроениями, дѣлами и мыслями современной молодежи. Да и странно было бы не интересоваться тѣми, кому надо жить послѣ войны и кто съ нами уже эту войну какъ-то переживаетъ. Редакція приложить старания, чтобы читатели „Голоса Жизни“ услышали голосъ жизни, голосъ молодежи. Ниже мы приводимъ выдержки изъ частнаго письма одного гимназиста старшаго класса. Этотъ подлинный документъ не можетъ не заинтересовать читателя.

Гор. N**

...Получили ли вы нашъ журналъ? Онъ неинтересенъ, я знаю. Собранъ кое какъ, между уроками, а главное—сотрудниковъ мало. Журналъ долженъ выростать изъ общихъ интересовъ. Вашъ пет-скій „Сѣверный Гуслирь“ вначалѣ очень хорошо опредѣлялъ свою цѣль: объединить ищущихъ, не испровергать фетишей (какіе фетиши!), не признавать себя переросшимъ одностороннюю старую жизнь, но принять ее всю, вправду узнать, такъ ли она односторонняя, а ужъ потомъ попробовать ее перерости. Я прибавляю отъ себя, но, кажется, этого хотѣлъ „Сѣв. Гуслирь“, я его такъ понималъ. А потомъ я пересталъ его понимать. Т. е. они свернули на извѣстный давно индивидуализмъ, ни о какомъ объединеніи ужъ и нѣтъ рѣчи. И меня поразила ихъ необразованность: въ статьѣ о Перѣ Гюнтѣ говорятъ такъ, будто объ Ибсенѣ только слышали что-то, а не читали.

Нѣтъ, журналъ молодежи долженъ быть и будетъ широкимъ, не обходящимъ молчаніемъ явленія жизни, а старающийся серьезно въ нихъ разобраться.

Первые номера моего журнала не удалась,—ничего, я еще съ нимъ попробую. Теперь я очень занятъ. Экзамены будутъ рано, а кромѣ того я помогаю мамѣ въ мастерской для женъ запасныхъ. Это—вотъ что: вмѣсто того, чтобы давать благотворительныя подачки, здѣсь женой главнокомандующаго п-скаго округа устроены мастерскія. Интендантство дало заказъ бѣлья для арміи на 60 тыс. рублей. Всѣ эти деньги перейдутъ сполна въ руки женъ запасныхъ и безработныхъ. Мастерскія переполнены, но работа тормозится, потому что нѣтъ никого, кто бы принималъ, провѣрялъ и складывалъ бѣлье. Иногда приходится связывать до

5 тыс. штукъ въ вечеръ. Такъ вотъ я хотѣлъ бы, чтобы изъ нашихъ ктонибудь тоже помогъ,—куда тебѣ! Точно спать. Вася В. напримѣръ, сотрудникъ моего журнала, сидитъ дома вечеромъ и выпиваетъ „для физической работы“ такую-то дрянь, которую потомъ выбрасываетъ. Если къ нему позвонить по телефону и позвать въ мастерскую, онъ скажетъ, что не можетъ сейчасъ отвѣтить, отвѣтитъ черезъ часъ. Черезъ часъ же оказывается, что онъ ушелъ куда-то въ гости. А сколько высокихъ словъ объ оправданіи войны, о спасеніи міра и т. п. Куда ужъ спасеніе міра или даже общій интересъ, если нужно сейчасъ дѣло остается безъ сотрудниковъ. Между тѣмъ въ той же мастерской слесарь Степанъ работаетъ до 12 час. ночи, по вечерамъ, а день своимъ занятъ. И другіе, вродѣ него, работаютъ естественно и серьезно, какъ надо. Съ ними говорить приятно, спокойно, знаешь, что, о чемъ говорится,—исполняется, пусть это—не „спасеніе міра“, а просто вечеръ въ мастерской. Вотъ тутъ и видишь, какъ нужно сознательное и спокойное погруженіе въ жизнь, прохожденіе ея, а не перескоки и высокія слова.

Кстати, не знаю, какъ у васъ,—здѣсь интересное явленіе: футуризмъ среди зеленой молодежи, среди гимназистовъ. Все это очень интересно. Я думаю сойтись съ ними поближе и заставить выяснить, чего онъ хотятъ въ сущности. Что въ футуризмѣ ихъ привлекаетъ? Къ сожалѣнію, всѣ эти футуристы—послѣдніе ученики и выгоняицы, какіе-то „старые молодые“. Но все таки любопытно приглядѣться.

Напишите однако о журналѣ. Можетъ быть, есть указанія. Мнѣ положительно не нравится рассказъ Васи В.—„Не говорите“. Теперь нельзя не думать и не говорить о войнѣ. Слишкомъ все это живо. Но если не нужно „разглагольствованій“ (это вѣрно у него), то отношеніе къ войнѣ нужно, необходимо. Нельзя сидѣть покойно и только кричать: „Не говорите, голубчики, не надо!“. Это конечно—самое легкое, но въ корнѣ неправильное отношеніе, уже потому, что безвольное. А для Васи В. и ему подобныхъ—неестественное. Въ семнадцать лѣтъ неестественно старчество безволия. Къ войнѣ мы должны выработать свое, серьезное отношеніе, то или другое ея принятіе. Можетъ быть сознательное, историческое непринятіе и волевое фактическое принятіе. Впрочемъ объ этомъ я подробно напишу въ слѣдующій разъ.

Н. К—нъ.

Отвѣтъ на привѣтствія населенія.

Г. Р-НЕВИЧЪ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ*).

Лѣтъ за пятнадцать предъ тѣмъ, какъ русскіе читатели въ своемъ увлеченіи западно-европейскимъ романтизмомъ ходили, по примѣру молодыхъ графинь Чернышевыхъ, до того, чтобы вѣшать у себя надъ постелью вмѣсто образа портретъ лорда Байрона, появился въ городѣ Орлѣ новый романъ: „Адольфъ и Элеонора, или опасности любовныхъ узъ. Истинное происшествіе“.

То была первая попытка познакомить русскую публику съ нашумѣвшимъ во Франціи романомъ Бенжамена Констана. Ряду переводчика не суждено было широкое распространение. Тогда, черезъ 13 лѣтъ, кн. Вяземскій посвящалъ благоговѣйно свои переводъ того же романа, „любимаго нашего романа“, своему другу А. С. Пушкину, онъ, не зная почему-то и о переводѣ, печатавшемся въ „Московскомъ Телеграфѣ“, былъ извѣстенъ, что является первымъ посредникомъ между Бенжаменомъ Констаномъ и русскими читателями. Въ извѣстной песнѣ онъ былъ правъ: только его переводъ встрѣтилъ въ широкіхъ кругахъ. Пушкинъ первымъ

привѣтствовалъ романъ. Правда, онъ, по словамъ Смирновой, не преминулъ нарисовать на клочкѣ бумаги могилу Элеоноры и заставить чувствительнаго Адольфа, прислонясь къ плакучей ивѣ, читать послѣднее письмо своей подруги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высоко цѣнилъ романъ и въ своей замѣткѣ (въ „Литературной Газетѣ“) горячо рекомендовалъ читателямъ „Адольфа“, который „принадлежитъ къ числу двухъ или трехъ романовъ, въ которыхъ отразился вѣкъ и современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтаньямъ преданной безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи лустомъ“. Вліяніе романа на Лермонтова и значеніе его въ созданіи „Героя нашего времени“ достаточно ярко выявилъ С. И. Родзевичъ*).

*). Кстати, Н. Лернеръ упрекаетъ въ газетѣ «Рѣчь» нашихъ историковъ литературы въ томъ, что никто еще не подвергъ «Евгенія Онѣгина» «реакціи на Адольфа». Упрекъ почтеннаго пушкиниста проигралъ бы въ категоричности, но зато выигралъ бы въ убѣдительности, если бы сдѣлано было исключеніе для статьи проф. Дашкевича. См. сб. «Памяти Пушкина». Кіевъ, 1899 г.

*). Бенжаменъ Констанъ. «Адольфъ». Повѣсть. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва. Стр. 142. Ц. 1 р.

Гласный петроградской думы Н. П. Зеленко разговаривает в Вильне с еврейской депутатей.

Съ тѣхъ поръ обаяніе романа не только не потускнѣло но съ неослабѣваемой силой переходило отъ одного поколѣнія къ другому. Въ чемъ же секретъ такого успѣха? Въ исключительной ли художественности романа, или въ чемъ либо иномъ? Какъ это ни странно, но первый переводчикъ романа на русскій языкъ совершенно повидимому непривольно въ самомъ названіи романа далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Опасности любовныхъ связей. Истинное происшествіе“. Вотъ это-то „истинное происшествіе“ и сообщило роману такую исключительную цѣнность. Неларомъ предостерегалъ въ свое время журналъ „Сирлянда“, эниграфомъ котораго было: „Для васъ... красавицы! Для васъ одѣхъ“, своихъ читательницъ: „за всѣмъ тѣмъ мы, по содержанію онаго, не можемъ рекомендовать его всѣмъ нашимъ читательницамъ“.

Бенжаменъ Констанъ не былъ исключительно художникомъ. Вѣрнѣе, онъ совсѣмъ не былъ художникомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. „Адольфъ“—единственное произведеніе выдающагося политическаго дѣятеля и писателя, облеченное въ художественную форму. Нѣсколько легкомысленный сынъ своего вѣка и своего народа, Констанъ разнообразно провелъ свою жизнь, переходя отъ одного къ другому, постоянно мѣняясь и измѣняя, возводя самое измѣнчивое въ нѣчто неизмѣнное, въ принципъ, всегда утверждая: „sola inconstantia constans“. Въ первые годы французской революціи онъ былъ камеръ-юнкеромъ правящей герцогини, въ свое время выступалъ какъ првверженецъ революціи. Загѣмъ увѣровалъ въ то, что реставрація Бурбоновъ спасетъ Францію. Разочаровавшись въ Бурбонахъ, Констанъ сблизился съ Наполеономъ и былъ назначенъ членомъ трибуната. Не удержавшись долго въ этомъ званіи, онъ былъ изгнанъ изъ Франціи, чтобъ впоследствии, послѣ пораженія Наполеона, сдѣлаться членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 20 лѣтъ началъ онъ за столомъ у своего друга, г-жи де

Шарьеръ, на оборотной сторонѣ колоды картъ большое сочиненіе о религіи и, послѣ ряда промежуточныхъ литературныхъ работъ, закончилъ свое сочиненіе только черезъ тридцать лѣтъ. Измѣнчивый въ любви, какъ и въ политической жизни, Констанъ рано „постигъ науку страсти вѣжной“. Послѣ ряда мимолетныхъ и неглубокихъ романаевъ, онъ женился отъ скуки, по увѣренію одного изъ его биографовъ, и послѣ медоваго мѣсяца развелся съ женой. Затѣмъ влюбился въ даму, которая вела процессъ о разводѣ, — Шарлотту фонъ Гарденбергъ—и, только много лѣтъ спустя, тайкомъ на ней женился. Тайкомъ—такъ какъ послѣ встрѣчи съ этой женщиной и до женитьбы на ней онъ близко сошелся съ одной изъ самыхъ яркихъ женщинъ на политическомъ и литературномъ горизонтѣ того времени, „femme étapacirée“, по терминологіи Бѣдлинскаго, писательницей де-завтра, захватывающій сюжетъ для романа.

Дочь извѣстнаго финансиста Неккера, она въ пятнадцать лѣтъ—авторъ стихотвореній, новеллъ и трагедій, въ двадцать—выходитъ замужъ за шведскаго дипломата, барона Сталь Гольштейнъ, и сразу приходитъ къ заключенію, по ея болѣе позднему признанію, что „судьба женщины рѣшена, если она вышла замужъ не за того, кого любила“. Тогда же выпускаетъ „Нисыма о характерѣ и произведеніяхъ Руссо“, издаетъ труды общаго характера по вопросамъ искусства, очерки, романы, политическіе памфлеты. Въ то же время принимаетъ активное участіе въ политической жизни, ведетъ открытую борьбу съ Наполеономъ, ссорится съ нимъ, изгоняется имъ изъ Франціи, уѣзжаетъ въ Германію, знакомится съ Гете, Шиллеромъ, Виландомъ, близко сходитъ съ братьями Шлегель, Вильгельма Шлегель увозитъ, какъ учителя сына, съ собой. Послѣ нѣкотораго перерыва въ путешествіи ѣдетъ въ Италию, встрѣчается съ Сисмонди, Гумбольдтомъ, дружитъ съ Монти, знакомится съ королевой

политанской. Въ 1812 году ѣдетъ въ Россію, радушно принимается Александромъ Первымъ, черезъ годъ ѣдетъ въ Італію, возвращается въ Парижъ, и на балу у герцога Де-Орлеана ее постигаетъ параличъ. Салонъ ея всегда былъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ, бесѣда всегда остроумна, интересна, замѣчания неизмѣнно мѣткі и вѣски.

Въ одинъ изъ вечеровъ она встрѣтилась въ своемъ кабинетѣ съ Бенжаменомъ Констаномъ, и эта встрѣча рѣшила судьбу обоихъ. Вайронъ сказалъ, что „для мужчины любовь — эпизодъ, для женщины — исторія“. Долгіе годы совместной жизни Констана и г-жи де Сталь могутъ служить лучшею иллюстраціей этого положенія. „Первый умъ въ мірѣ“, какъ называла Констана г-жа де Сталь, не былъ „первымъ мучемъ“ и, мучаясь сама, много доставила страданій той, которая ждала отъ него хоть крупныя личнаго счастья, не доставшаго ей въ супружествѣ. Правдивая исторія этой нежной любви съ удивительной объективностью и психологическимъ проникновеніемъ въ сущность чувства рассказана Констаномъ въ романѣ „Адольфъ“. Случилось то, что впоследствии повторили Жоржъ Зандъ и Альфредъ де Мюссе, — одновременно поэтичная и страдальческая любовь которыхъ была описана ими обоими и явилась сюжетомъ для романа Жоржъ Зандъ „Еще етъ живъ“. Анри де Лебенсе въ „Дельфинъ“ и Освальдъ въ „Кориннъ“ — Констанъ, Элеонора въ „Кольфъ“ — г-жа де Сталь.

„Я собираюсь приняться за романъ, который будетъ исторіей“, — занесъ въ свой дневникъ Констанъ. Это было несомнѣнно точно: надо было сказать — и ашей исторіи, — при горячо любящей женщины и раздвоеннаго, страдающаго мучительнымъ отсутствіемъ опредѣленности родоначальнаго цѣлаго ряда поколѣній „скитальцевъ“ въ жизни и литературѣ: „мое сердце испытываетъ пресыщеніе ко всему, что ему доступно, и страстно желаетъ того, что ему не

дается“. „Адольфъ“ — правдивая лѣтопись сердца, „биографія любви“, не мудрствующій, примитивный, намѣренно ничѣмъ не усложненный анализъ угасанія чувства. Это придаетъ особую прелесть роману и въ наши дни. Художественная литература со времени появленія романа Констана далеко ушла впередъ, углубилась и расширилась, усовершенствовала свои изобразительныя средства, избаловала насъ, но все же романъ Констана представляетъ интересъ и въ наше время.

Теперь онъ вновь оживаетъ для читающей публики. Переводъ князя Вяземскаго, вошедши въ десятый томъ собранія его сочиненій, вмѣстѣ со всѣмъ изданіемъ, сдѣлался рѣдкостью и, какъ водится у насъ, не былъ переизданъ. Тому, кто пожелаетъ купить романъ Констана, придется знакомиться съ нимъ по новому переводу. Я не вхожу въ сравнительный анализъ переводовъ, далекихъ въ данный моментъ отъ того, чтобы сличать переводы съ подлинникомъ. Но мнѣ какъ-то жаль пропадающаго прекраснаго, выдержаннаго перевода князя Вяземскаго, который такъ тѣсно связанъ съ нашей литературой тридцатыхъ годовъ и составляетъ неотъемлемую часть ея. Князь Вяземскій отнесся къ переводу, какъ къ священнодѣйствію: „Мысленно относился я къ суду твоему (суду Пушкина); въ борьбѣ, иногда довольно трудной, мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть, призывалъ въ ареопагъ свой и Баратынскаго, повергалъ вамъ свои сомнѣнія и запросы и руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. Кромѣ желанія моего познакомить русскихъ читателей съ этимъ романомъ, имѣлъ я еще мою собственную цѣль: изучивать, оцупывать языкъ нашъ, производить надъ нимъ попытки“. Все это увѣнчалось успѣхомъ, и переводъ былъ послѣдовательно выдержанъ въ стилѣ эпохи. Такъ не лучше ли было бы и въ новомъ изданіи возстановить, проще — хранить переводъ князя Вяземскаго?

І. Р.—невиць (О. Ларинъ).

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

жертва своей торопливости.

«Инокъ абдорскій изъ всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ». «Братъ Карамазовъ».

Надняхъ К. И. Чуковскій прочелъ лекцію подъ заглавіемъ „Жертва своей гениальности“. Народа было много — шла вѣдь о Достоевскомъ. Признаюсь, я шель туда съ какой-то совмѣщеніемъ Чуковскаго и Достоевскаго нѣсколько смѣшивало меня. Чуковскій — критикъ американизованный, напѣтый, торопливый, дающій характеристики мелькомъ, наспѣхъ. Въ прошломъ году онъ предложилъ поставить Хлѣбникова памятникомъ за освобожденіе русскаго языка, мимоходомъ

сказалъ, что у Россіи нѣтъ прошлаго, нѣтъ исторіи, и мимоходомъ же провозгласилъ купринскую „Яму“ русскою „жижонной дяди Тома“ — сравненіе, наводящее на невеселыя мысли. При такой быстротѣ и натискѣ и Достоевскій долженъ былъ соотвѣтственно измѣниться.

Я не ошибся въ моихъ догадкахъ; новооткрытая нашимъ постыднымъ критикомъ рукопись Некрасова о Достоевскомъ представляетъ собою не что иное, какъ памфлетъ на интимный кружокъ Вѣлинскаго. Въ памфлетѣ этомъ всѣ одинаково нехороши — и „фонъ“ Вѣлинскаго, „спутники великихъ“, кляузники, сплетники и льстецы и сами великіе, потѣшающіеся надъ болѣзнью Достоевскаго, и Достоевскій, больной честолюбіемъ, падкій до похвалъ и гордящійся выше мѣры. Получилась картина неприятная: съ одной стороны — столпы литературы, гордость Россіи, съ другой же — наушничество, травля, мелочные расчеты и пьянство безъ конца. Но напрасно г. Чуковскій приурочилъ все это къ тому грустному времени — домашняя жизнь литературныхъ кружковъ врядъ ли стала лучше и сейчасъ. Весь вопросъ въ томъ, важно ли это для критика, для читателя-творца?

„Толпа читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабости могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи“. Такъ писалъ Пушкинъ и такова была конечно психологія рукописавшихъ Чуковскому слушателей. Подобно абдорскому монашку, торопливый критикъ „ведѣ разспрашивалъ, ведѣ прислушивался, ведѣ шептался“, — чего же добился онъ въ концѣ концовъ?

Благодаря новооткрытой рукописи мы узнали, что „инфуроріи“ А. С. Комаровъ смѣялся надъ Достоевскимъ, что Кетчеръ „былъ немислимъ безъ редерера“, что Вѣлинскаго и Некрасова окружалъ всякии литературный сбродъ, узнали даже, что нѣкто былъ побить женою и наконецъ (это ужъ отъ самого лектора), что даже Стивенсонъ весьма одобряетъ Достоевскаго.

Какая пестрая смѣсь анекдотовъ, эпиграммъ, самой непривлекательной и ненужной домашности! Чуковскій не послушался Некрасова, „вошелъ въ анализъ домашней жизни“ и сталъ при этомъ жертвой своей собственной торопливости. Благодаря ему, теперь твердо установлено, что великіе равны малымъ, что Григоровичъ малъ, Вѣлинскій хвалился, а Достоевскій притворялся, — истины, для которыхъ не нужно было ни лекціи, ни даже новооткрытой рукописи Некрасова и на которыя стоитъ отвѣтить словами Пушкина: „Вреге, подлецы! Онъ и малъ, и мерзокъ не такъ какъ вы — иначе!“.

Димитрій Крючковъ.

Издатели-монополисты.

Неутомимый проф. Пиксановъ издалъ великолѣпный сборникъ матеріаловъ о И. С. Тургеневѣ. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы познакомямъ читателей съ этой интересной книгой, а пока коснемся большого вопроса, затронутаго проф. Пиксановымъ въ предисловіи къ сборнику.

„Какъ это ни странно, — говоритъ Пиксановъ, — у насъ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Тургенева. То, что на книжномъ рынкѣ слыветъ подъ этимъ названіемъ, недостойно такого титула. Не говорю уже о томъ, что у насъ нѣтъ критическаго изданія. При теперешнихъ условіяхъ и правахъ книжнаго рынка едва ли и осуществимо такое изданіе, если за него не возьмется какое либо ученое учрежденіе. Общеизвѣстное монопольное изданіе Глазунова не удовлетворяетъ и болѣе скромнымъ требованіямъ: перепечатываемое безъ всякаго литературнаго присмотра, оно не включаетъ въ свой старый составъ хотя бы тѣхъ произведеній, которыя вновь напечатаны по рукописямъ или разсказамъ въ забытыхъ старыхъ изданіяхъ“.

Обращенія нашихъ монополистовъ съ произведениями русскихъ писателей воистину самое звѣрское*). Фирма Глазунова пользуется у насъ почетомъ. Она торжественно праз-

*) Исключенія составляютъ изданія сочиненій Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевскаго. Сочиненія Толстого находятся въ совершенно особыхъ условіяхъ, что же касается сочиненій Ф. М. Достоевскаго, то вдова писателя, А. Г. Достоевская, отнеслась къ сочиненіямъ мужа съ большимъ піететомъ. Устроенный ею музей памяти Ф. М. (въ Москвѣ, при историческомъ музеѣ), а также составленное ею подробное описаніе этого музея (1906 г.) оправдываетъ ея «монополию».

дновала свой юбилей. На вывѣскѣ ея красуется государственный гербъ. Ея девизъ — *quaerendo*. Это „кверендо“ въ видѣ аляповатаго штемпеля печатается на всѣхъ изданіяхъ фирмы. Мы не говоримъ уже о богатствѣ фирмы, скопленномъ между прочимъ и на сочиненіяхъ Тургенева.

Однако никакого „кверендо“ въ своей дѣятельности почтенная фирма не обнаруживаетъ. Перепечатываетъ себя автоматически сочиненія Тургенева и, пользуясь монополией, собираетъ съ подневольныхъ покупателей обильную жатву. А вмѣстѣ съ тѣмъ, затративъ нѣсколько тысячъ рублей на приглашеніе толковаго редактора, закончившая фирма сторичей бы возвратила затраченные гроши, вызвавъ въ читателяхъ новый интересъ къ Тургеневу. Еще хуже обстояло дѣло съ Некрасовымъ. К. И. Чуковскій, что называется, крикомъ кричалъ, ознакомившись съ послѣднимъ одиннадцатымъ изданіемъ 1913 года, требуя его уничтоженія во имя „священныхъ“ правъ литературы, во имя памяти русскаго поэта.

Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Издатели даже не почесались. А въ то же время родственное покойному Н. А. Некрасову издательство К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ даритъ насъ великолѣпными изданіями церковныхъ росписей ярославскихъ церквей, издаетъ журналы „Софію“, собранія иконъ И. С. Остроухова (какъ будто богатый владѣлецъ собранія не могъ самъ ихъ издать) знакомитъ насъ съ біографіями великихъ людей (въ томъ числѣ П. А. Столыпина!). Но почему бы почтенному издательству, если оно не имѣетъ „монополии“ на сочиненія своего родственника, не поручить кому нибудь написать біографію Н. А. Некрасова? Право же, онъ достоинъ этой чести не менѣе Столыпина! Конечно можно вмѣстѣ съ Владімиромъ Францевичемъ Эрномъ утверждать, что „самобытная русская культура“ не проявлялась въ сочиненіяхъ либерала Тургенева и радикала Некрасова. Не Тургеневу съ Некрасовымъ „водружать крестъ“ на царьградской Софіи. Но слова изъ пѣсни не выкинешь. И, что бы ни говорили „москвоградцы“, слова Тургенева и столь нелюбимаго имъ Некрасова — очень существенныя слова именно русской пѣсни.

Отлично сознаю, что мой „протестъ“ совершенно безполезенъ. Такъ же безполезенъ, какъ протестъ Пиксанова, Чуковскаго и многихъ другихъ. Попрежнему сѣрая пыль фирмы Глазунова будетъ гордиться орломъ на своей вывѣскѣ и печь неисправныя изданія Тургенева, попржежнему въ стихахъ Некрасова вмѣсто:

„Гдѣ силы юныя пытать?“ —

будутъ печатать:

„Гдѣ силы юныя пытать...“ (Несчастные!) —

вмѣсто:

„И надъ мѣднымъ Петромъ“...

„И надъ мѣстнымъ (!) Петромъ“ (О погодъ. Попржежнему „наше селеніе“, по милости корректора, останется „нашимъ соленіемъ“ (Русскимъ дѣтямъ, „Пчелы“ а на второмъ томѣ стихотворенія, обнимающихъ періодъ 1873 по 1877 гг., будетъ красоваться подпись: „1842-1872 гг.“.

Но, по латинской поговоркѣ, капля точитъ камень силой, а частымъ паденіемъ.

Д. Философовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСАМЪ Еврейства

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“ VI

„Новый Восходъ“ попрежнему считаетъ основною своею задачею: объединить и организовать всѣхъ элементовъ русскаго еврейства на почвѣ борьбы за гражданское и национальное равноправие. И въ настоящій, исключительно важности, исторический моментъ „Новый Восходъ“ считаетъ себя обязаннымъ приложить всѣ силы къ выполнению основной задачи во всѣхъ намѣченныхъ выше направленьяхъ. Грандиозная на и то влияние, какое она можетъ оказать на судьбы нашего народа, заслуживаетъ насъ удѣлить этому мировому событію особое внимание. Поэтому же мотивамъ мы нашли нужнымъ объявить мировую войну, участію въ ней евреевъ и значенію ея для еврейства, особую книгу ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕВРЕИ“

в которой будетъ всесторонне освѣщены: дѣятельность евреевъ - воиновъ, медиковъ, санитаровъ и пр., участіе въ войнѣ мирнаго населенія, а также - вопросы, связанные съ политическими и экономическими послѣдствіями войны для еврейства. Книга эта, въ размѣрѣ 10-12 листовъ большого формата, будетъ богато иллюстрирована портретами отличившихся еврейскихъ воиновъ, врачей, снимками съ еврейскихъ поселеній, бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій, съ сооруженныхъ евреями лазаретовъ, питательныхъ пунктовъ, приютовъ и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи: на годъ - 5 р., на полгода - 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца - 1 р. 25 к., ГРАНИЦУ: на годъ - 6 р. 50 к., на полг. - 3 р. 25 к., на 3 мѣс. - 1 р. 75 к. (покрыты расходовъ по экспедиціи и первому безплатнаго приложенія вносятся при подпискѣ 50 коп.)
„Новомъ Восходѣ“ подписчики попрежнему найдутъ юридическія справки и указанія по вопросамъ законодательства о евреяхъ. Руководятъ этимъ отдѣломъ Л. М. Айзенбергъ и Г. Б. Слюзбергъ.
Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невская, 23, кв. 26.
Пробный № высылается по первому требованію безплатно.

„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

редакціей генерал-майора Ф. Г. Игнатьева, при участіи генерал-отъ-инф. А. И. Ботьянова (по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и поназавидней очевидцевъ - участниковъ войны), съ картами, планами, портретами, изображениями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военного быта. Книжка печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выдѣляется еженедельными выпусками. Каждый выпускъ содержитъ вполне законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Официальный отдѣлъ: ВЫСОЧАЙШІЕ указы, правительственные распоряженія, сообщенія Главкома и Главкомандующаго, сообщенія штаба, телеграммы и свѣдѣнія по всѣмъ театрамъ войны. 2) Неофициальный отдѣлъ: Историческое описаніе и разъясненіе хода сраженій, описаніе военныхъ дѣйствій, описаніе участниковъ или очевидцевъ сраженій, корреспонденціи съ театровъ войны, отклики на Руси и за границей, свѣдѣнія о герояхъ и жертвахъ войны, хроники войны и пр.

Каждый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к. (по получении мажорант). Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА - 3 руб. съ пересылкой по всей Россіи. Допускается рассрочка въ 2 срока. За границу - 6 руб. Условия и требованія адресовать: въ главную контору „ЛѢТОПИСИ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“, Петроградъ, Владимірскаго пр., д. № 7.

Только ФРАНЦУЗСКІЕ и АНГЛІЙСКІЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ

МУЖСКІЕ: отъ 1 руб. до 6 руб. дюж.
ЖЕНСКІЕ: золотые приборы отъ 14 руб. до 18 руб. шт.
серебрянн. „ отъ 6 руб. до 7 руб. шт.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКИХЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ
Петроградъ. „ГИГЕНА“, Невскій, 74-17.

КАРТИНЫ - ОЛЕОГРАФІИ

по оригиналамъ извѣстныхъ художниковъ. Каталогъ безплатно высылаютъ Анционерн. Общ. Издательства А. А. КАСПАРІИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА.

„ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II“

Въ порѣ скръти въ мемуарахъ, запискахъ и прочихъ историч. документахъ и чрезвычайно ярко обрисовывающія интимную жизнь этой великой женщины-правительницы и ея отношенія къ фаміліямъ, въ настоящее время открыты, благодаря увлекательно написаннымъ историческимъ романамъ Г. САМАРОВА: „ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ“, „НА ПОРОГѢ ТРОНА“, „ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПЕТРА III-го“, „АДЪЮТАНТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ“ и „ПОДЪ БѢЛЫМЪ ОРОМЪ“. Всѣ эти романы написаны замѣчательно исторической правдой и полны захватывающаго интереса. Дополняемъ этихъ произведеній является историческій романъ польскаго воиста 1830 г. „КОРОНА ЯГЕЛЛОНОВЪ“. Въ то же собраніе сочиненій Г. САМАРОВА входятъ историческія повѣсти „ЗАМОКЪ ФЕЙ“ и „ОКОЛО ТРОНА“. Цѣна за все СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА а р. 50 к. съ перес.

Требованія адресуются Анционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРІИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

112 КНИГЪ РОМАН. и 425 ВЫПУСК. ТОЛЬ-ЖУРНАЛА ПО ЗА 11 Р. и ПРИЛОЖ. ПОЛУЧАТЬ ВСѢ ТѢ ЛИЦА, КОТОРЫЯ ПОДПИШУТСЯ НА 1915 ГОДЪ НА СЛѢДУЮЩЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ:

„РОДИНА“

дающій въ теченіе года:

52 №№ илл. лит. ЖУРНАЛА, 52 №№ илл. „ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, 52 №№ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“, 52 №№ „НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“, 52 „ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ“ въ краскахъ и одноцвѣтныхъ, 49 ОБЩЕПОЛЕЗН. ПРИЛОЖЕНІЙ (по 12 №№: „МОДЫ“, „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, „ВЫКРОЙКИ“, „УЗОРЫ ВЫПИЛИВ. и ВЫЖИГ.“ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1915 г.) и

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ КНИГЪ

12 кн. илл. СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ (преимущественно на темы ВОЙНЫ), 26 кн. собр. соч. В. А. ТИХОНОВА, 18 кн. ИСТОРИЧ. роман. Н. СЕВЕРИНА и 24 кн. журн. „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (ВСЕГО въ книгахъ до 8000 стран.), СВЕРХЪ ТОГО ДВѢ КАРТИНЫ ПРЕМИИ: 1) „Шалости Амура“ и 2) „Подъ солнцемъ юга“.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

дающіи въ теченіе года:

52 №№ илл. литер. журн. „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ (журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ), 52 №№ отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“, кромѣ того ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ - ЕЖЕДНЕВНИКЪ 1916 года и КАРТИНУ-ПРЕМИО: „СВИДАНІЕ“, а также

ТРИДЦАТЬ ДВѢ КНИГИ

20 кн. собр. сочин. (роман. и пов.) А. Д. АПРАКСИНА и 12 книгъ романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ВЫШЕУКАЗАННОЕ

ЗА ГОДЪ БЕЗЪ ДОСТАВКИ 11 р. | съ пересылкой по Россіи 13 р. | РАЗСРОЧКА ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ 8 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА

на каждый журналъ по цѣнамъ за ГОДЪ:

„РОДИНА“ безъ до-отавки 7 р. | съ пересылкой по Россіи 8 р. | РАЗСРОЧКА при под-пискѣ 5 р.
„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ безъ до-отав. 4 р. | съ пересылкой 5 р.

ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ при подпискѣ 3 р.

Подробная программа высылается БЕЗПЛАТНО.

Подписка адресуется: Анционерному Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРІИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114, и Садовая, 20 (третій домъ отъ Невскаго) Въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

отъ первыхъ памятниковъ литературы до послѣднихъ дней нынѣшней эпохи.

Наше изданіе „Исторія русской литературы“ имѣетъ въ виду дать бѣглый обзоръ общаго хода ея развитія. Оно раздѣлено на двѣнадцать частей, изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ отдѣльные очерки, рисующіе въ легкой формѣ опредѣленные периоды изъ истории движенія русской литературы отъ временъ глубокой древности, а также биографіи выдающихся представителей русскаго творчества въ тотъ или другой периодъ. Наибольшее мѣсто отведено литературѣ сравнительно новѣйшей, такъ называемымъ предпушкинскому, пушкинскому и послѣдующимъ ея периодамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности полно представлена и предшествовавшая этимъ литература.

Исторія русской литературы изданія А. А. Каспари (С.-Петербургъ) представляетъ собою большую томъ въ 500 страницъ четкой убористой печати. Цѣна съ пересылкой ОДИНЪ рубль ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. (1 р. 50 к.)
Требованія адресуются Анционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРІИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцією Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ и НОВѢСТИ:—„Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Полигушка“, — **РАЗСКАЗЫ:**—„Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холостой вѣкъ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней все качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Леромонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.— **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—„Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кающийся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—„Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.— **КРУГЪ ЧТЕНІЯ.**— **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.— **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставившій себѣ целью соединить художественность съ занимательностью, серьезность—съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—такое основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхоустинаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачюковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: В. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробини, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Луномскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соболева, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. сдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод), СТРѢВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и 50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній) ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб. допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать желательное ли получить журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-ми книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“—съ 82-ми или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду въ своей ЦѢЛНОСТИ для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого о будущемъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и изящество внѣшнѣго вида полнаго собранія его сочиненій.